

ТАТЬЯНА ЛЯШКО

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Татьяна Ляшко
На краю пропасти

«Издательские решения»

Ляшко Т.

На краю пропасти / Т. Ляшко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930866-5

Эта книга — новая веха в жанре научной фантастики. История повествует о древних и могущественных существах, создавших Вселенскую цивилизацию и обреченных наблюдать за ее медленной гибелью. Борьба за власть, нарушение закона, стремление обогатиться — на первый взгляд, инопланетяне очень похожи на людей. Но так ли это на самом деле? Читателю предстоит познакомиться с суровым миром, где разум — наивысшее из благ, а жизнь разных видов порой неравноценна.

ISBN 978-5-44-930866-5

© Ляшко Т.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

На краю пропасти

Татьяна Ляшко

© Татьяна Ляшко, 2018

ISBN 978-5-4493-0866-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В межсистемном пространстве далеко от Центра Вселенной научно-исследовательская станция барлоков была единственным крупным объектом. В тусклом свете ближайшей звезды ее корпус переливался оттенками зеленого. Дiskoобразная конструкция состояла из нескольких отсеков, места соединения которых напоминали трещины. В этой части галактики барлоки планировали изобрести новый способ добычи энергии из редкого изотопа лоуренсия.

Станция нуждалась в доработке, живых существ на ней еще не было, поэтому никто не мог заметить небольшой серебристо-белый корабль, который приблизился к творению барлоков. Овальная дверь открылась, плавно опустившись вниз, изменила угол наклона и осталась неподвижно закрепленной перпендикулярно корпусу, образовав тонкий, но прочный выступ.

Система охраны станции не была рассчитана на ближние атаки, поэтому всего одного выстрела хватило для нанесения значительного урона щитовому механизму. Барлоки не торопились устанавливать мощные охранные системы на полупустом объекте, ведь не ожидали, что кто-либо рискнет расхищать их имущество.

Еще один снаряд, следовавший за первым и направленный в верхнюю часть диска, нанес значительные повреждения. После того, как средства оповещения были уничтожены, барлоки не могли получить сообщение о большой брешии, зиявшей в одном из отсеков.

Едва коснувшись выступа своего корабля, стрелок прыгнул в поврежденную часть станции. Он изловчился и крепко схватился за раскаленный край брешии, рискуя получить травму от искривленных металлических пластин.

Быстро преодолев небольшое темное помещение, служившее буфером между открытым космосом и искусственной средой станции, атаковавший направился вглубь отсека. Повреждения оказались более серьезными, чем предполагалось – почти треть коммуникаций была уничтожена, и приходилось ориентироваться в кромешной тьме, в которой отсутствовало даже ультрафиолетовое излучение, по положению тела в пространстве.

Стрелок спешил. В уцелевшей части станции узкие темно-зеленые коридоры с множеством полупрозрачных дверей были слабо освещены сотнями крошечных ламп, образующих разнообразные геометрические узоры на потолке. В подобных космических аппаратах вычислительные центры находились по соседству с двумя главными, самыми большими отсеками. Было всего сорок эйнсов, чтобы взломать базу данных до активации резервной системы оповещения.

Полупрозрачные двери с выгравированными цифрами мелькали перед глазами, однако стрелок не обращал внимания на порядковые номера отсеков. Через пару эйнсов¹ он оказался в тупике: коридор заканчивался небольшим расширением. Вокруг было пусто, но за стеной – взломщик чувствовал это – находилось много металла, сильно отличавшегося по свойствам от конструкционного материала станции. Он положил ладонь на стену, чтобы лучше почув-

---

¹ Эйнс – (равен секунде) – единица измерения времени. Представляет собой интервал, равный 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133, находящегося в покое при 0 К.

ствовать сконцентрированное за ней вещество. Ощущения не могли обмануть – вычислительный центр был совсем рядом.

Пришлось потратить несколько снарядов – иначе, чем простелить себе проход сквозь мощную конструкцию, пробраться в вычислительный центр было невозможно. Стрелок замирал, вслушиваясь, как скрипел металл, кое-где оплавляясь от высокой температуры боевых пластин. Трещины быстро разрастались. Мягкий белый свет лился сквозь повреждения в стене. Несколькими ударами была преодолена последняя преграда, отделявшая от заветной цели.

Нагретый светло-фиолетовый металл капсулы легко поддался – взломщик осторожно ступил в хорошо освещенное помещение, представлявшее собой полусферу. В противоположную стену был впаян голубой полупрозрачный восьмигранник. Как только стрелок сделал шаг навстречу этой сверкавшей перламутровым блеском фигуре, автоматически активировалась голографическая панель. Множество светло-голубых лучей, появившихся из небольших отверстий в полу, были так плотны друг к другу, что почти соединялись, будто соткали из воздуха голограмму плоского правильного шестиугольника, который мгновенно превратился в шар, украшенный тысячами тонких полос. Нужно было выбрать правильную очередность пятидесяти из них, чтобы отключить резервную систему оповещения.

Первая предполагаемая комбинация – осечка! Второй код тоже был ошибочным, а времени почти не осталось. Но взломщика это ничуть не пугало. Он выстрелил по корпусу восьмиугольного вычислительного устройства. Пронзительный скрип полупрозрачного материала вызывал сильное безусловное чувство жалости.

Вдруг взломщик услышал, как все двери на станции открылись. Барлоки не могли и предположить, что кто-нибудь осмелится уничтожить их охранную систему грубой силой.

Теперь оставалось, не опасаясь за свою безопасность, равно как и за успешность операции, добраться до главной лаборатории. Вниз по узким коридорам, к южному полюсу станции, можно было идти неспешно.

Главная лаборатория представляла собой квадратное помещение с зеркальными стенами. Здесь было пусто, за исключением прозрачной полусферы – барлоки не блистали оригинальностью, сооружая системы охраны, – под защитой которой находилась маленькая пробирка. Но открыть эту полусферу можно было только с помощью образца молекулы, обеспечивавшей реализацию программы изменчивости живых организмов. Грабитель все предусмотрел: требовалось лишь достать принесенные с собой небольшие кремниевые пластины с образцами носителей наследственной информации Разумных существ из ближайших галактик.

Восьмиугольное вычислительное устройство стояло неподалеку от сферы и открывало щит. Как только частица минерала прошла сканирование, в руке грабителя красовалась его добыча – редкое сырье и ценнейший трофей. Взломщик побежал к выходу и прыгнул в открытую дверь своего корабля. Едва она успела закрыться, двигатель был активирован автоматически и всего за несколько эйнсов корабль пересек тысячи звездных систем.

2

Авантюра с лоуренсием была самой успешной кражей последнего десятка ктайтов.

Системе потребовалось немного времени, чтобы заполнить круглый буферный отсек смесью газов, поддерживавших внутреннюю среду корабля, и отрегулировать силу искусственного притяжения. Как только это было сделано, еще одна округлая дверь плавно скользнула в сторону, дав возможность беспрепятственно выйти из небольшого, площадью всего один квадратный рийтс², буферного отсека.

---

² Рийтс – единица измерения длины, равная 1,5 метрам.

Хозяин этого корабля не был обычным грабителем. Вернее сказать, грабительницей. Многие уже забыли о них – о Первых живых существах, населявших Вселенную. Они жили еще до начала Отсчета времени, но само время нещадно стерло их имена. Имена многих – но не ее.

Нэрин. Она была одной из самых смелых, нахальных и неуловимых грабителей во Вселенной. Большинство существ ею восхищались, межгалактическое правительство же опасалось новых выходов этой Первой.

Ее добычей всегда становились редчайшие ценности: от малораспространенных металлов до произведений искусства. О былых заслугах Первой быстро позабыли, и сейчас в ней видели только вора и древнее существо, более разумное, а, следовательно, очень опасное.

Кража образца лоуренсия была просто знаком, что Нэрин снова вернулась к авантюрам после нескольких тысяч ктайтов затишья. Однако признаться, что существовала еще одна причина этого ограбления, Нэрин боялась даже сама себе.

Первая замерла, стоя у двери из буферного отсека, будто раздумывала, прежде чем сделать шаг. Этот корабль, напоминавший снаружи эллипсоид по форме, был для Нэрин домом. Овальное, площадью почти две сотни квадратных рийтсов, помещение служило подобием гостиной. Слева была дверь в хранилище, где Нэрин разместила коллекцию трофеев. Корабль делился по экватору на две половины: в нижней находился двигатель и системы регуляции, верхняя часть была жилой.

Серебристо-белые металлические стены гостиной переливались в ярком свете крошечных светильников, расположенных на полу, украшенном белым матовым покрытием. В полупустом помещении разнообразием цветов отличалось лишь кресло из висмута, оксидная пленка которого имела радужную окраску.

Противоположная стена была украшена барельефами, благодаря форме и черному напылению напоминавшими испещренную трещинами и кратерами поверхность железной планеты. По этим барельефам было легко взбираться в верхний отсек, в котором хранились личные вещи Нэрин и где она часто любила отдыхать.

Широкие окна находились только на правой стороне гостиной. Покрытые тонким слоем металла, они отражали сияние звезд, и обнаружить их с наружной стороны было довольно трудно. Но, находясь на борту корабля, сквозь этот прозрачный материал Нэрин могла до мельчайших подробностей видеть все на килорийтсы.

Первая устало упала в кресло, глядя в черноту просторов Вселенной за окном. Среди блеска металла фигура Нэрин казалась чем-то чужеродным. Все Первые имели одинаковую физиологию, но внешне очень различались между собой, словно разные виды. Нэрин была одной из немногих, кто очень походил на человека: ростом, фигурой, чертами лица. Только светло-серая матовая кожа и большие черные глаза без радужек выдавали в ней принадлежность к древнему виду.

Нэрин не раз думала, что им, Первым, уже нет места во Вселенной. Они были и будут «пробной версией» и, несмотря на свою силу и разум, всего лишь подобием истинной Жизни.

3

Кислота выпадала в виде дождя. Небо, темно-фиолетовое даже днем, было плотно затянуто облаками, а грязно-коричневые камни, омываемые осадками, напоминали почти идеальные полусферы. Среди однообразных пейзажей иногда встречались глубокие ущелья, вымытые за миллиарды ктайтов подобием рек.

Такой скромной красотой выделялась Ω-3 – маленькая планета в созвездии Л-Бэйд. Она считалась не самым гостеприимным местом: на ней не было постоянного населения, но часто здесь скрывались все, кто имел проблемы с законом. Давно, мало кто помнил точную дату, посреди небольшой возвышенности было построено здание – изысканный клуб, где собирались

самые влиятельные преступники. Но, как ни странно, заведение носило довольно неказистое название «На краю пропасти».

Корабль Нэрин мягко опустился в овраге. Корпус был настолько прочен, что летательное средство не нуждалось в амортизаторах. Корабль немного накренился, его эллипсоидная форма была небольшой помехой: трудно удерживать равновесие на ровной поверхности. Однако такая конструкция летательных аппаратов была редкой, сложной в исполнении, а, следовательно, очень дорогой.

Нэрин быстро покинула корабль, прошла около четырехсот рийтсов и задумчиво остановилась у входа в клуб «На краю пропасти». Появиться здесь после долгого затишья, не напоминая о себе, было бы унижительно. Но кража удачно состоялась, поэтому без каких-либо опасений за свою репутацию Первая коснулась двери, которая изогнулась под ладонью, как раскаленная фольга, и, переливаясь оттенками фиолетового, быстро разошлась в стороны.

Нэрин медленно шла мимо небольших металлических постаментов, служивших столами, ориентируясь лишь по ультрафиолетовому излучению множества светильников, и внимательно рассматривала посетителей. Крохотные аитты, украшенные шипами эгзолло и пушистые луу... На одном из постаментов с величественным видом сидела ваарнийка – температура ее тела была настолько высокой, что Нэрин ощущала жар даже на расстоянии, наблюдая, как кожа этого существа слабо светилась оттенками красного.

В большинстве галактик предпочитали носить одежду из тончайших вольфрамовых цепей – не только практичную, но и очень дорогую. Но в полумраке было трудно разглядеть серебристо-белый цвет одеяний посетителей клуба. Сама Нэрин была одета в подобие платья из вольфрама, ее обувь из этого же металла на тонкой подошве плотно прилегала к телу, как вторая кожа.

Здание клуба напоминало трехгранную пирамиду – в месте соединения темно-бордовых стен висела полупрозрачная скульптура, изображавшая кольца астероидов. Пол был выстлан плитками никеля – Нэрин могла определить состав веществ так же точно, как некоторые существа ощущали запахи.

Неподалеку находился небольшой бассейн с прозрачными стенками, заполненный жидким галлием, на поверхности которого медленно плавали пластины из доломита. За этим бассейном с важным видом стоял хозяин клуба «На краю пропасти».

– Ты неизменен, как Центр Вселенной, Лью! – Нэрин мягко улыбнулась – несмотря на сходство с людьми, она не могла похвастать живой мимикой – только немногие Первые были способны выражать эмоции подобным образом.

Услышав эти слова, Лью – уже немолодой вирнер – вытянул шею в знак приветствия и помахал кожистыми крыльями.

– Я уже и не ожидал тебя здесь увидеть! Слухи разные ходят... Например, что ты уже отказалась от авантюры.

– Ты лучше меня знаешь, что доверять нужно лишь избранным, – тихо ответила Нэрин.

– За мой счет, – Лью кивнул в сторону пустого стакана, который тут же наполнил до краев бесцветной жидкостью. – Лучший пероксид водорода в галактике, – прокомментировал вирнер.

Коротко поблагодарив, Нэрин стала любоваться игрой света в стакане, стоявшем на доломитовой плите. Первой нравилось, что посетители «На краю пропасти» не обращали на нее внимания.

– И какие планы? – поинтересовался Лью.

– Вчера барлоки остались без основного компонента своих исследований, – прошептала Нэрин с напускной таинственностью.

– Будем надеяться, они не сильно огорчатся.

– Но теперь мне следует быть незаметной... Или хотя бы попытаться.

– Неужели тебя не интересуют новые ограбления? – спросил Лью с нескрываемой иронией. – Или теперь ты с большей осторожностью будешь ввязываться в авантюры?

– Все нет, – возразила Первая, – просто пока я не могу найти хорошую добычу. Риск должен быть оправдан.

– В этом я могу тебе помочь! – прищурился Лью, слегка коснувшись желтобурой рукой плеча Нэрин. – У меня есть для тебя ценная информация...

– И что же ты за нее хочешь?

– Считай это бескорыстной помощью хорошей приятельнице! – сказал вирнер охрипшим голосом. – Где-то через два с половиной трикса³ на орбите большой звезды под названием Гарма, достаточно далеко от Центра, будет находиться корабль контрабандистов из Бэллтэз. А на их борту – легендарная тиара правительницы галактики МХ-12!

Нэрин сосредоточенно слушала, не сводя черных глаз с лица вирнера. Первым не требовалось много времени на размышления. Поэтому, оценив ситуацию, Нэрин за доли эйнса составила план действий.

– Спасибо! – прошептала она, не скрывая удивления в голосе. Нэрин хорошо знала Лью, однако не верила, что это существо могло бескорыстно поделиться информацией.

– Только имей в виду – я тебе ничего не говорил...

4

Попрощавшись с Лью, Нэрин поспешила покинуть заведение. Космические корабли могли развивать значительную, названную «теневою», скорость, в триллионы раз большую скорости фотонов, но Нэрин все же опасалась, что ей не хватит времени перехватить контрабандистов. Если они узнают о слежке – догнать их будет невозможно.

К своему кораблю, большому летающему дому, Нэрин относилась с любовью и трепетом, будто к живому существу. Он был уникален не только и не столько из-за роскоши, в которой утопал, как был ценен с исторической точки зрения. Давно, триллионы ктайтов назад, когда кроме Первых никого не существовало, этот корабль уже бороздил просторы галактик. И хоть сейчас многое позабыто, именно Первым принадлежали почти все изобретения, актуальные до сих пор. Так, создание первого космического корабля было достижением Нэрин. Но теперь ее имя ассоциировалось лишь с грабежами.

Осторожно, словно крохотное пугливое Неразумное, Нэрин гладила внешний корпус двигателя кончиками пальцев, даже не заметив, как ее черные длинные волосы рассыпались по плечам. В последнее время она все больше тосковала, наблюдая, как во Вселенной происходили необратимые изменения, поэтому не сомневалась, что всех ждали большие неприятности. И понимание, что логика редко ее подводила, только усиливало тревогу.

Нэрин не хотела признавать, что боялась. Страх, сильный и неестественный, норвил полностью завладеть ее разумом. Не выпуская из рук личное оружие, родсп, некогда переплавленный из ядра планеты χ -131, Первая пыталась предусмотреть все возможные варианты предстоящего ограбления. Оружие представляло по форме двадцатигранник бледно-желтого цвета, его шелковистый блеск придавал Нэрин немного уверенности. Нападать сейчас было слишком рискованно, но медлить означало лишиться не только тиары, но и возможности безопасно покинуть эту галактику – нужно действовать, пока контрабандисты не обнаружили ее корабль.

Нэрин остановила свой летательный аппарат в опасной близости от Гармы – крупной холодной оранжевой звезды. Яркий свет заливал гостиную, когда Первая стояла у окна, не отводя восхищенного взгляда от видневшейся вдали крохотной планеты, облака которой имели черно-синий цвет.

---

³ Трикс – внесистемная единица измерения времени. 1 трикс – 10 земных часов. Один год – ктайт – составлял 1000 триксов – 10000 часов, что равнялось 1,14 оборотам Земли вокруг Солнца.

В самом центре гостиной переливалась светло-голубая голографическая карта, а рядом – полупрозрачная проекция, напоминавшая по форме шар. Лишь прикасаясь к этой проекции и перемещая несколько сложных геометрических фигур, можно было не только задавать маршруты, но и регулировать режим и скорость движения летательного аппарата.

Нэрин насторожилась, увидев вдали довольно большой корабль контрабандистов. Он имел золотисто-бурую окраску и сложную форму. Множество крыльев соединялись под разными углами и могли менять положение, образуя систему из треугольников и тонких металлических полос.

Первые были единственными существами во Вселенной, которые могли чувствовать нахождение определенных элементов на большие расстояния. Хемосенсоры, которые располагались по всему телу, служили не только для ориентирования – с их помощью возможно получить много важной информации.

Нэрин подошла поближе к окну. Хемосенсорами можно было почувствовать количество объектов и их форму, поэтому Первая обратила внимание на корабль контрабандистов. Она улыбнулась, когда поняла, что в летательном аппарате находилось около сотни барлоков.

Развитый разум у Живых считался основным преимуществом, а в некоторых ситуациях мог быть и самым опасным оружием. Нэрин отлично знала основные конструкции кораблей – их достоинства и недостатки, уязвимые места. Деактивировать двигатель противника всего одним прицельным выстрелом ей не составило труда. Физическая выносливость тоже была подспорьем. Едва успев долететь до контрабандистов, Нэрин, выпрыгнув из своего летательного устройства в открытый космос, пересекла несколько рийтсов и с легкостью выбила квадратную дверь вражеского корабля, будто та была сделана из хрупкой серы, а не из титана.

В огромном буферном отсеке летательного средства было тихо, настолько, что, даже приложив ухо к тонким металлическим стенам, Нэрин не могла услышать ни одного постороннего звука.

«Притаились... – подумала Первая. – Эти Протеи надеются, что я их не заметила! Или что не знаю, где именно они находятся».

Тяжелую металлическую дверь, за которой располагались основные помещения корабля, удалось повредить одним выстрелом из родспа. С трудом отодвинув ее в сторону, Нэрин шагнула вперед, внимательно оглядываясь по сторонам. Этот корабль, подобно исследовательской станции барлоков, изобиловал коридорами. Узкие, извилистые, с высокими потолками, цвета чистой меди, они напоминали лабиринт. В этом лабиринте не было видно ни одной двери, а от каждого шага материал пола едва ощутимо, но все же вибрировал.

Контрабандой считались ресурсы, добытые из галактик, населенных Примитивными. Поэтому Нэрин сомневалась, откуда барлоки смогли достать реликвию МХ-12. Первая не знала, где именно хранилась тиара владычицы – среди множества ценностей со всех окраин Вселенной было трудно обнаружить небольшое украшение на дальнем расстоянии. Не меньше Нэрин тревожили барлоки: эти существа передвигались достаточно быстро, чтобы неожиданно напасть.

Внезапно из-за угла послышались шаги. Нэрин прыгнула в сторону и пригнулась. Только спустя долю эйнса Первая поняла, что в нее стреляли – пластина, состоявшая из сплавленных нитей родия, пролетела на теневой скорости прямо над головой, заметно повредив одну из стен. Теневая скорость была велика, поэтому даже существа, обладавшие самой быстрой реакцией, замечали совершенный выстрел лишь в том случае, если им удавалось выжить после него.

Нэрин не стала понапрасну тратить родий. Она, забыв о страхе, погналась за нападавшим, ориентируясь с помощью хемосенсоров. Через несколько эйнсов ей пришлось остановиться – вдруг яркий свет озарил все вокруг. Нэрин убедилась, что оказалась в круглом помещении, а вокруг нее было более ста зеленокожих противников.

Она знала, что ее заманивали в ловушку, но не стала пытаться навредить барлокам. Нэрин не могла обезвредить каждого, ранив. А лишить жизни другое существо она считала недопустимым. Все же решив напугать их главаря, Первая сжала в руке оружие. Барлок отреагировал мгновенно, выстрелив ей в ногу из огнемета.

Несмотря на различия в физиологии, боль была свойственна многим существам во Вселенной, ведь она являлась наиболее надежным сигналом о повреждениях организма.

Нэрин упала на пол, но не из-за боли – так она могла защитить хотя бы спину от противников. Ярость всегда придавала ей уверенности, но сейчас Первая с трудом сохраняла самоконтроль, чтобы не напасть на барлоков. Предчувствие подсказывало, что мирным путем ничего не удастся решить. Контратаковать было неразумно, и Нэрин молча лежала на блестящем полу.

Главарь контрабандистов подошел к Первой, не сводя пристального взгляда с ее лица. Высокий, почти два рийтса, с темно-зеленой кожей, украшенной черными полосами – признаком высокого положения в обществе барлоков – главарь гневно махнул длинным уплощенным хвостом, склонив маленькую голову набок.

– Теряешь навыки, Нэрин! – его низкий голос эхом разнесся по помещению. – Уже давно пора «отдохнуть» на дне океана Анты. А ты все еще пытаешься что-то доказать...

– Зачем нам неприятности? – спросила Нэрин с издевкой. – Я могу просто уйти, и забудем об этом маленьком происшествии...

Светло-серые глаза главаря недобро блеснули. С молниеносной скоростью он выхватил свой ролл и направил его в сторону Нэрин. Первая же изловчилась и достала из небольшого кармана круглую шашку, содержащую хлор. Ее палец оказался в опасной близости от кнопки активации.

– Ты же не убьешь одну из Первых? – спросила Нэрин полушутя.

Она поняла, что барлок настроен решительно: оружие по-прежнему было рядом с ее головой.

– За тебя назначено вознаграждение! – объявил главарь контрабандистов, ликуя. Эта фраза вызвала ухмылку на лице Нэрин.

– Я нарушила Кодекс, причем не раз... Официально я в розыске. Еще раз повторю, для Протей, – Первая улыбнулась, удачно скрывая ярость, – официально! Никто из Разумных не посмеет причинить мне вред!

Будто осмыслив собственные слова, Нэрин замерла. Она знала, что нельзя доверять многим существам, особенно преступникам, но всегда была уверена, что на нее никто не рискнул бы напасть.

– Ты же понимаешь, что я не побоюсь убить тебя прямо сейчас? – пригрозил барлок, ударив хвостом по полу.

С лица Первой пропала улыбка: сомневаться не приходилось, что контрабандист говорил правду.

– Зачем тебе это все?! – воскликнула Нэрин, изобразив испуг и удивление, хотя ее палец уже лег на кнопку хлорной шашки. – Неужели не лучше просто поговорить? Обсудим все, что тревожит тебя и твоих... последователей!

Барлок ничего не ответил. Нэрин ужаснулась: подобного раньше не случалось. Никто, даже самые опасные преступники, не осмеливались угрожать ей.

Главарь контрабандистов сделал шаг навстречу беспомощно лежавшей на полу Первой. Его глаза неотрывно смотрели на ее лицо. Вдруг Нэрин почувствовала острую боль в груди – родиевая пластина насквозь пронзила ее тело. Первая дернулась и попыталась сжаться в комок. Лишь спустя эйнс она поняла, что случайно активировала шашку.

– Нельзя причинять ей много травм, – объяснил главарь другим барлокам. – Она должна быть живой...

Едва он успел договорить, как все помещение заполнилось хлором. Зеленокожие существа не успели что-либо предпринять. Хлор был абсолютно безвреден для Первых, но тела барлоков, состоявшие из водородных соединений, растворились за считанные эйнсы.

Нэрин наблюдала, как образовавшаяся желто-зеленая дымовая завеса поглощала одно существо за другим. Послышался лязг оружия и вольфрамовых одежд, падавших на пол – всего, что осталось от барлоков.

Первая очень сожалела о случившемся. Единственным ее желанием было заставить время идти вспять. Тогда она бы попыталась вытолкнуть хоть нескольких из этого загазованного помещения, прикрыть собственным телом, взять весь удар шашки на себя – сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти, исправить ошибку. Но изменить течение времени невозможно.

«Иначе не получилось бы. При всем желании, – думала Нэрин. – Они не пощадили бы меня... Но почему?! Почему они не побоялись ранить меня без причины? Тиара – очень сомнительный повод, чтобы нападать на одну из Первых».

Нэрин понимала: хоть и не желая того, она стала убийцей, совершила самое тяжкое преступление. Что-то подсказывало, что эта череда событий: исследовательская работа барлоков, подозрительная активность контрабандистов – только начало. Вселенную ждали перемены, несомненно, в худшую сторону.

Первая с трудом встала, оглянулась и медленно направилась к возможному месту хранения тиары. Из круглого помещения с низкими потолками, в котором только и было, что несколько дешевых украшений на стенах, вела одна узкая, почти черная, дверь.

«У барлоков строгая социальная иерархия. Вероятно, тиара должна находиться в отсеке главаря», – размышляла Нэрин.

Нога была сильно повреждена – от высокой температуры нарушились структурные единицы организма. Рана на груди начинала медленно затягиваться. Первая шла, пытаясь не обращать внимания на боль.

Вскоре она обнаружила еще две двери: та, что была справа, вела в большое помещение, в котором находилось очень много вольфрама, цезия и соединений кремния – это подсказывали хемосенсоры организма Первой. За второй дверью хранились те же вещества, но в меньших количествах.

Логика и опыт подсказывали, что за дверью слева должен был находиться отсек главаря, а за другой дверью – жилье для остальных барлоков. Чтобы не ошибиться, Нэрин попыталась сконцентрироваться и подошла вплотную к одной из дверей: очень слабо, но Первая почувствовала, что там был очень редкий элемент – золото.

Несколько снарядов почти полностью расплавили стену помещения, находившегося слева. Квадратная комната была хорошо обустроена для жизни: светло-зеленая капсула стояла в одном углу, в другом – сложное строение из оксида кремния с прикрепленным к нему полупрозрачным многогранником – вычислительным устройством, названным миртэкс, которое применялось почти всеми Разумными видами во Вселенной.

На небольшом постаменте в центре комнаты, освещенной лишь в инфракрасном диапазоне электромагнитного излучения, лежало много вещей. Среди них были образцы различных минералов, несколько титановых самородков, даже маленькая ампула с жидким азотом. Среди всего этого, как нечто, не представлявшее ценности, лежала тиара владычицы и пантэйра МХ-12.

В последние триксы удача была на стороне Нэрин. Схватив добычу, Первая из последних сил поспешила покинуть летательное средство барлоков.

Лишь на своем корабле она принялась внимательно рассматривать легендарную тиару. Легкая, из палладия, тиара была инкрустирована пластичным золотом. Это украшение, хоть и выполненное из относительно дешевых металлов, было бесценно. Тиару без вести пропавшей сорок девятой королевы МХ-12 не могли найти уже более двухсот тысяч ктайтов. Нэрин

не сводила глаз с желтого блеска золота, борясь с навязчивым желанием примерить прекрасный венец. Но посчитав, что недостойна такой чести, Первая осторожно поставила тиару рядом с другими похищенными ценностями.

Нэрин специально оборудовала хранилище на корабле для перевозки уникальных вещей. Серебристо-белые пол, стены и потолок были идеально гладкими. Расположенные вдоль стен титановые ящики образовывали подобие шкафа. Каждая из тысяч ячеек была дополнительно защищена покрытием из родия. В этом хранилище тиара находилась под надежной защитой. Рано или поздно, на МХ-12 будет избрана новая королева, и тогда Нэрин вернет ей по праву принадлежащий символ власти.

5

Нэрин быстро успела оправиться от пережитых травм – темпы регенерации были очень высоки – и решила навестить лучшего друга.

«Давай встретимся у остатков той скалы. Через трикс», – голографическое сообщение было отправлено. Предстояло очередное путешествие в Центр Вселенной.

Первым потребовались считанные ктайты, чтобы понять устройство Вселенной. Материя и энергия, названная теневой, были связаны между собой. Эта «теневая» энергия не подлежала обнаружению, ее существование заметно лишь косвенно.

Центром Вселенной называли пространство, где наблюдалось минимальное количество теневой энергии. По мере удаления от Центра ее концентрация росла, что приводило к различным аномалиям материи – черным дырам и квазарам.

Именно благодаря изучению теневой энергии стали возможными не только путешествия на большие расстояния, но и создание голографических сообщений, которые передавались на доступной лишь сверхтионам скорости, намного превышавшей теневую.

Центр был стабилен триллионы универсальных единиц отсчета времени – ктайтов – слабый звездный ветер не позволял светилам гаснуть. Именно там, окруженная четырьмя яркими звездами, удерживавшими ее своим притяжением, находилась Алат. Она была первой планетой, населенной жизнью. Там обосновались Первые еще до начала Отсчета времени. Сейчас она поражала красотой: почти незаселенная, изобиловавшая фотосинтетиками. Никто из Разумных существ там не проживал – это была дань уважения Первым.

Прилетев на орбиту Алат, Нэрин очень грустила – ностальгия стала часто ее терзать. Как только корабль коснулся твердой поверхности планеты, Первая осторожно ступила на темно-коричневую почву. Атмосфера почти полностью состояла из кислорода. Опасный для большинства, такой агрессивный окислитель, напротив, позволял Первым поддерживать жизнедеятельность на высоком уровне.

Вскоре неподалеку совершило посадку небольшое треугольное летательное средство серо-желтого цвета. Из него вышло странное существо, издали напоминавшее человеческого мужчину, но все его тело, даже волосы и глаза, переливалось металлическим блеском и имело цвет оловянной бронзы. На нем было много слоев вольфрамовой одежды, покрытой тонким слоем меди. Существо улыбнулось, увидев Нэрин.

– Бен! – Первая стремглав побежала к другу и угодила в его объятия. – Я так соскучилась!

– Я тоже, Нэн! Я тоже... – искренне сказал Бен.

Крепкая дружба Бена и Нэрин, длившаяся с начала Отсчета времени, была редкостью. Особенно в последние миллионы ктайтов, когда различие в образе жизни этих двух Первых становилось все заметнее. Нэрин совершала все больше и больше ограблений, тогда как Бен, довольно влиятельный политик, получал новые должности.

– У меня очередное повышение, – с натянутой полуулыбкой сообщил Первый.

Только услышав эти слова, Нэрин обратила внимание на небольшую платиновую брошь, инкрустированную разновидностью корунда: на темно-синем фоне были изображены четыре

Центральные звезды и Алат. Это символика «Илиат» – союза всех Разумных видов во Вселенной.

Бен был одним из основателей Илиат, хоть идея этого союза не принадлежала Первым. В Илиат входили все жители Вселенной, за исключением тех, чья цивилизация не достигла достаточного развития. Но таких видов было очень мало – миллиардная доля процента, в которую входили даже Примитивные жители далекой Земли.

По одному представителю от каждого вида выдвигалось в подобие сената – пантэй, объединявший межгалактическую законодательную и исполнительную власть и представлявший интересы всех видов. Свод законов, единых для всех, был принят в первые триксы существования Илиат и назван Кодексом.

Первые считали создание Кодекса ненужным, ведь поначалу многим древним видам удалось мирно существовать и без него. Поэтому официально в пантэй не было представителей от Первых, и единственный, кто был причастен к политике – Бен – избирался жителями других галактик. Многие хотели, чтобы их пантэйром стал один из Первых, но на эту должность часто могли назначить своего кандидата пантэйры Центральных галактик.

– Теперь я один из Наблюдателей Центра, – сказал Бен, улыбаясь.

– Но, – Нэрин не удалось скрыть недоумения, – теперь ты не парламентар одной из галактик?!

– Увы, моя новая должность считается престижнее только для тех, кто не знает принципов Илиат. Фактически, меня лишили права быть пантэйром той крошечной и далекой от Центра галактики Мартикс...

– Ты же знаешь, что это неспроста?! – вспыхнула Нэрин, взгляд ее черных глаз был устремлен куда-то вдаль. – От Первых стараются избавиться всеми возможными способами!

– Пока еще рано об этом говорить, Нэн... Но то, что нам уже давно не рады, очевидно.

Нэрин задумалась, перевела взгляд на неразумных фотосинтетиков, что покрывали грунт цельным ковром, и взяла Бена за руку.

– А помнишь, как Алат была совсем пустынной? Как же она была прекрасна тогда! Только раскаленные от света звезд коричнево-красные камни! Не то что сейчас... Хоть этими «растениями» и восхищаются многие Разумные, я сожалею, что они сейчас живут на планете, некогда никому не принадлежавшей.

– Я тоже скучаю по былым временам, – прошептал Бен.

Первые стояли и оглядывались по сторонам. Сейчас коричневые горные породы были скрыты под слоем переплетений стеблей существ всех оттенков сине-зеленого. Невысокие пологие холмы чередовались равнинами, кое-где виднелись высокие древовидные травы. Ярко-белый цвет неба резко контрастировал с пестротой благоухавших подобий растений.

Друзья стояли вдвоем, молча, воссоздавая в памяти события многомиллиардной давности.

– Жаль, что Тари нет сейчас с нами! – тихо сказал Бен.

Она была одной из ста тысяч Первых и при этом единственной, кто стал жертвой убийства. Бен хорошо знал это существо, поэтому воспоминания о ее гибели приносили ему боль даже большую, чем остальным.

Подруга Бена была убита более трех тысяч ктайтов назад, став жертвой политических игр его противников.

– Она была прекрасна... – прошептала Нэрин. – Прости за вопрос, но почему до сих пор ничего не известно о ее убийцах? Такое неслыханное преступление...

– Тот, кто это подстроил, не заинтересован, чтобы правду узнали.

– Я пыталась выведать, кто это! – призналась Первая. – Но ничего не получилось.

– Нет смысла во всем этом, Тари уже не вернуть.

– Убийство Первой – единственный случай в истории, и виновники не были найдены! Это угроза, причем не только тебе – всем нам! Ни одна из катастроф на планетах, далеких от Центра, ни один несчастный случай не лишили жизни ни одного из Первых с начала Отсчета времени! Только подлое убийство стало причиной гибели!

– Они могут быть опасны, – возразил Бен.

Нэрин внимательно посмотрела другу в глаза.

– Мне кажется, тебе что-то известно, – возмутилась Первая.

– Вовсе нет. Даже если бы я знал, я не сказал бы тебе. У тебя и так слишком много проблем, – сказал Бен. – Я наслышан о пропавшем лоуренсии...

– Ты же знаешь, что я не могла иначе! – Нэрин разгневалась не на шутку. – Зачем барлоки затеяли эти «исследования»? Неужели Вселенная все еще нуждается в исследованиях?! Неужели Разумным необходимы дополнительные источники энергии?! Это просто повод продемонстрировать свое могущество!

– Может быть, ты и права насчет убийства Тари... Но вредить барлокам было лишним.

– Грядет что-то очень нехорошее, – Первая покачала головой. Она не решилась рассказать другу о произошедшем на корабле контрабандистов. Признаться в том, что она стала причиной гибели сотни живых существ, Нэрин не смогла. Ей хотелось, чтобы Бен как можно дольше оставался в неведении.

Они еще долго стояли посреди поля, любуясь красотой неба.

– Знаешь, я не вправе просить тебя об этом... – начал Бен, – но я рассчитываю на твою помощь. Я узнал пару трюков назад... довольно важную информацию.

– А именно? – спросила Нэрин, коснувшись плеча друга.

– Насчет Тари...

– Почему ты не сказал сразу?

– Я все еще сомневаюсь в разумности этой затеи... Я не хочу подвергать тебя опасности.

– Уже поздно размышлять, – сказала Первая.

Бен тяжело вздохнул и, прикрыв глаза, прошептал:

– Это зеты. Опытные наемники. Они скрываются где-то на Глыбах.

– Считаю их уже нет, – Нэрин направилась к своему кораблю.

– Прошу, будь осторожна! – Бен догнал подругу и с виноватым видом взъерошил свои, будто выкованные из тонкой бронзовой проволоки, волосы. – Я обещаю сделать все, чтобы никто не узнал об этой аванюре.

– Не переживай, я справлюсь.

– Мы справимся, Нэн! Ты же не думала, что я останусь в стороне?

6

Глыбы – безжизненная планета, история которой должна служить хорошим уроком для Примитивных с Земли. Ее обитатели, даже не входившие в Илиат, в погоне за выгодой многочисленными опытами хотели достигнуть ядра своей планеты и добыть источник несметных, как они думали, богатств. Существа состояли из кремниевой кислоты и были похожи на сферические медленно передвигавшиеся камни; этот факт и дал название планете. Жители Глыб добились желаемого – почти добрались до ядра планеты. Но не успели насладиться выгодой этой затеи. Технология не была совершенной, был нарушен верхний слой мантии и коры, кубические килорийтсы жидкой смеси металла расплавили медлительных существ. Не выжил никто.

– Будет нелегко их обнаружить, – предупредил Бен, – на это потребуется время.

– Если честно, я плохо представляю, как нам удастся застать их врасплох. Целая планета, маленькая, но все-таки...

Бен быстро подошел к окну, когда корабль Нэрин остановился на орбите Глыб. Темно-серая, почти черная поверхность планеты не отличалась разнообразием рельефа. Конкретного плана у Бена не было. Можно попытаться выследить контрабандистов – острое зрение Первых было подспорьем, как и хемосенсоры, расположенные по всему организму.

Бен до мельчайших подробностей помнил, как ему стало известно об убийцах Тари. Его ожидал лично пантэйр галактики Глауз, теперь, фактически, самое значимое существо в Центре и во всей Вселенной. Бен был удивлен, когда влиятельный политик полунамеком сообщил ему, что в убийстве Тари есть подозреваемые. Вернее сказать, не подозреваемые, а виновники – в этом убеждал пантэйр Глауз. Бену так и не удалось добиться ответа: откуда пантэйру было известно, что в смерти Первой виновны трое зет, которые последние несколько ктайтов скрывались на Глыбах. Одно Бен знал точно: парламентар Глауз не стал бы делиться непроверенной информацией. Но с какой целью он сообщил это, Бен не догадывался.

Как ни странно, официально ничего не было известно о трагедии, произошедшей с Тари. От нее просто избавились, а союз правопорядка толком не расследовал это преступление. Свидетелей не было – Тари, одну из Первых – выследили на пустынном планетоиде в крошечной галактике Эйз недалеко от Центра. Бен не был удивлен, когда узнал о планах Тари посетить этот планетоид – она часто путешествовала, изучая особенности распространения теневой энергии. Эти исследования были более, чем безопасны, поэтому весть об убийстве Первой, единственном в своем роде, всколыхнуло всю Вселенную. Первые могли жить бесконечно долго, а гибель одной из была невозполнимой утратой. Никто не сомневался, что виновниками ее смерти были влиятельные противники Бена – слишком мало расследований проводилось, будто заказчик этого убийства всячески пытался остаться неизвестным. К сожалению, ему это удалось.

Нэрин опечалилась: она знала, что Бену сейчас больно, как никогда. Первая не только хотела поддержать друга – ее терзало желание отомстить за прекрасную Тари, похожую на жителей далекой Орфэ. Нэрин понимала, что зет-наемников ожидала казнь в соответствии с Кодексом. Но последует ли наказание, если в этой ситуации замешаны влиятельные личности?

Нэрин действовала решительно. Ничего не говоря другу, она активировала двигатель и направила корабль на небольшой скорости ближе к поверхности Глыб. Первый только кивнул, прикрыв глаза.

– Куда мы летим? – тихо спросил он.

– Я не знаю, нужно подумать. Кстати, вдвоем рассуждать всегда легче, особенно, если дело касается анализа поведения таких слаборазвитых, как зеты.

– Полететь на полюсы планеты они точно не могли, – начал Бен. – На Глыбах ярко выражены повсеместные магнитные аномалии, но на полюсах они достигают пика. Ввиду своей физиологии Зеты не рискнули бы...

– Скрываться среди равнин не получится, а низкогорье есть только в нескольких областях, – Нэрин быстро указала три точки на голографической карте Глыб. – Одна гряда – на северном полюсе, поэтому ее сразу не берем в расчет. Оставшиеся две... – Первая сопровождала свою речь увеличением масштаба карты, в точности повторявшей цвет поверхности безжизненной планеты, – ... в нижней трети эллипсоида планеты и на экваторе. Мне кажется, нужно проверить сначала южную гряду.

Бен тряхнул головой в знак согласия, и всего через эйнс их корабль почти коснулся корпусом пологой горной вершины.

– Смотри, там пещера, – сказал Бен, указывая на черную расщелину в скале рийтсов двести ниже. Не сговариваясь, друзья решили отправиться именно туда.

Нэрин быстро посадила корабль в долине недалеко от той самой пещеры и поспешила вслед за Беном к двери буферного отсека. Их одежда из вольфрама плотно прилегала к телу и не мешала быстро бежать. Нэрин не сразу заметила, что в руке Бена блестел, размером

в несколько сантирийтсов, родсп. Первая, в свою очередь, коснулась ремня на поясе, убеждаясь в наличии оружия, и оглянулась, остановившись у входа в пещеру.

– Пойдем, – прошептал Бен и решительно шагнул в полутьму.

На планете отсутствовала атмосфера, и ночью здесь было довольно темно, но, несмотря на это, Первые легко ориентировались даже без индикации электромагнитного излучения. На Глыбах было очень большое притяжение, поэтому застывшая черная магма, из которой состояли невысокие горы, за миллионы лет стала прочной и твердой.

Они с Беном крались в темном проходе, как Первый резко замер и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

– Они здесь, неподалеку!

Нэрин тоже остановилась и прислушалась к хемосенсорам кожи: где-то впереди отчетливо чувствовалось присутствие молибдена. Этот элемент являлся основным компонентом скелета зет, поэтому иной причины нахождения такого количества этого элемента, кроме как пребывание наемников, быть не могло.

– Нужно действовать быстро, пока они не опомнились, – предложил Бен.

Первые побежали вперед и резко свернули направо. Было видно, как в слабом искусственном освещении, лившемся из-за угла, своды пещеры сверкали вкраплениями разноцветных минералов.

Бен на эйнс остановился, прижавшись спиной к большому валуну, а затем бросился вперед. Нэрин последовала за ним. Они действовали с такой невероятной скоростью, что зеты не успели контратаковать.

Бен выстрелил в одного – родиевая пластина попала зету в ногу. Нэрин ранила другого в плечо и, даже не поворачивая головы, нанесла аналогичное поражение третьему наемнику. Облаченные в серебристые одежды большеголовые зеты громко упали, один из них – раненый Беном – почти потерял сознание.

– Кто вас нанял?! – спросила Первая, срываясь на крик. – Отвечай!

– Что? – в огромных глазах зета, черных и блестящих, как у самой Нэрин, читалось недоумение вперемешку со страхом. Он постарался дотянуться до своего оружия, но Первая выстрелила еще раз – теперь в трехпалую ладонь наемника.

– Кто заказал вам убийство Тари?! Не делай вид, что не знаешь, о чем идет речь!

– Я не помню! Не знаю! – прохрипел зет. Неповрежденную руку он прижал к сквозной ране на плече. – Мы не встречали заказчика лично и не получали от него голографического сообщения, – затараторил зет, когда Нэрин приблизила родсп к его голове. – Нам сказали барлоки-контрабандисты, что какой-то политик платит огромные деньги за смерть Первой... Нужно было действовать осторожно, чтобы покушение не смогли предотвратить.

Нэрин не мигая смотрела на наемника. Страх, ярость и внезапно появившееся чувство собственной беспомощности смешались воедино, заставив Первую безмолвно стоять в ожидании. Она понимала, что отдавать этих зет на суд Илиат бессмысленно.

– Мы решили рискнуть, – сухо сказал зет. – Нам заплатили по десять миллиардов каждому – ради таких денег можно было сделать что угодно.

– Но ведь убийство Первой было немыслимым преступлением?! Убийство той, кто поняла устройство Вселенной задолго до появления вашего вида! – возмутился Бен, не скрывая пренебрежения в голосе.

– Только после того случая ввели статью Кодекса, подразумевающую наказание за убийство кого-либо из Первых... – оскалился зет.

– Только редкое неразумное ничтожество может даже подумать о подобном! – сказала Нэрин. – А известно тебе, какое наказание ждет за убийство Первого?

– Нет, – слукавил зет.

– Смерть... – тихо проговорила Нэрин. – Единственное преступление, преступление против самого устройства мироздания, которое карается смертью.

Бен молча посмотрел на находившегося в полуобморочном состоянии зета. Первый корил себя за этот выстрел, за то, что причинил Разумному существу столько боли, но знал, что не мог поступить иначе.

Почти все виды выживали только благодаря помощи своим сородичам. И Первые не были исключением.

«Убийство Тари – преступление, которое ни в коем случае не должно остаться безнаказанным и, тем более, повториться. Но как быть с зетами? – думал Бен. – Нельзя же попросту погрузить их на корабль! Минкспикс не признается, что знает о деяниях этих существ. А в суде уже поздно что-либо доказывать!»

Вдруг Первый сжал оружие в руке. Он в подробностях вспомнил Тари: ее лицо, голос, будто встретил несколько эйнсов назад. Нэрин заметила его состояние, низко опустила голову, в раздумьях. Даже грабительнице не хватало решимости на мщение.

Лицо Нэрин казалось бесстрастным, когда она, так быстро, что Бен даже не успел отреагировать, выстрелила из родспа в головы всем троем наемникам.

– Нужно уходить, – сказала Первая и оглянулась в надежде увидеть сияние кристаллов в пещере. Бен был в замешательстве, но последовал за подругой.

К кораблю они шли молча, низко опустив головы. Нэрин чувствовала свою вину: впервые она убила живое существо по собственной инициативе, а не защищаясь. И месть была плохим оправданием такой жестокости. Все Первые ценили жизнь намного больше других видов, и это не удивительно – ведь все зарождалось у них на глазах. А теперь Нэрин перешла черту... Но она жалела лишь барлоков – зеты получили по заслугам. Их все равно должны были приговорить к смерти.

«Какая разница, – Первая пыталась скрыть свою печаль, – убила их я или это сделал бы кто-то другой? Они были обречены. А боязнь взять ответственность за наказание в соответствии с Кодексом иначе, чем трусостью, нельзя назвать».

Только на корабле по пути в Центр Бен едва слышно спросил, хоть заранее знал ответ:

– Почему ты сделала все сама? Почему не позволила мне разделить вину за самосуд с тобой?

– Со мной ничего не случится, Бен, – тоном наставника сказала Нэрин. – Но ты же подвергаешь свою репутацию! Фактически, мы, вернее сказать, я... даже не нарушила Кодекс. Но если кто-нибудь узнает о том, на что ты решился?.. На что мы с тобой решились, даже не предупредив остальных Первых?

– Это не страшно, – ответил Бен, – главное, я буду знать, что убийство Тари не осталось безнаказанным.

– Существа из всех галактик Вселенной обязаны нашему виду, – сказала Нэрин, – обязаны всем нам... Поэтому жизни Первых ценятся намного больше. Это известно каждому, это даже закреплено в Кодексе...

Она вдруг замолчала и перевела взгляд на звезды.

– Думаешь, мне было легко? Я наивно полагала, что мы не способны на жестокость...

– Нэн! – прервал Бен на полуслове. – Не стоит себя винить! Таков закон Вселенной: мы стараемся защищать себе подобных. Произошедшее с Тари – очевидная угроза всем нам!

– Теперь и ты это понял... Но правительство не желает обращать на нас внимания, – Нэрин натянуто улыбнулась, хотя печаль терзала разум.

– Это лишь попытка защититься... – проговорил Первый. – Все наши действия... с зетами – желание предотвратить собственную гибель.

– Наши жизни ценней, – ухмыльнулась Первая. – Ты веришь в это?..

– Я запутался.

– Мне пришлось, Бен! – пожаловалась Нэрин. Было видно, что она очень беспокоилась. – Барлоки... Они хотели убить меня! Поэтому мне пришлось...

Первый испуганно посмотрел на собеседницу: сразу понял, о чем шла речь.

– Уже ничего не изменить, – прошептал он и ушел в противоположную часть отсека. Первые думали о произошедшем, понимая, что пути обратно не было.

Нэрин села в кресло, наблюдая за стоявшим у окна Беном, и, коснувшись лба, неожиданно спросила:

– Кто тебе вообще рассказал о наемниках? Ты не посвящал меня в детали...

– Мне сказал пантэйр Центра, – честно ответил Первый.

– И кто же это? – Нэрин встревожилась, пододвинулась на край кресла, сплела пальцы в замок и заглянула Бену в глаза.

– Минкспикс...

– Что?! – воскликнула Нэрин. – Доверять ему – сущее безумие!

– Но в этот раз он не солгал, – сказал Бен, качая головой.

– Тогда все становится еще запутаннее! Лучше держаться подальше от пантэйра Глауз.

– Я знаю, – согласился Первый, – но теперь я ему обязан, не стоит об этом забывать.

Друзья быстро вернулись на Алат, где все еще стоял корабль Бена. Как только Первый ступил на борт своего летательного средства, Нэрин активировала двигатель и направилась подальше от Центра.

7

Нэрин больше всего любила останавливаться на орбитах больших ярких звезд и наслаждаться их красотой. В области их гравитации корабль находился в пространстве более-менее устойчиво, а не летел в непредсказуемом направлении.

Из окна была видна голубая звезда, дарившая свет многим планетам и спутникам. Нэрин сидела в гостиной и думала о произошедшем несколько триксов назад. Им с Беном так и не удалось узнать, чей коварный план убийства Тари оказался успешным. И как быть, если узнают, что Бен все же полетел на Глыбы в поисках виновников смерти представительницы своего вида?

Стараясь отогнать от себя внушавшие тревогу мысли, Нэрин вспомнила о наборе для игры «Грави-куб». Эта интеллектуальная игра была распространена во многих галактиках: давался каркас в виде куба, и нужно было установить параметры гравитации на его внутренней части так, чтобы все блоки, с различной массой и плотностью, полностью заполнили куб, без малейших пустот. Причем заполнить куб нужно было как можно быстрее.

Нэрин решила посетить «На краю пропасти», чтобы поиграть с достойными соперниками. Погода на Ω-3 была хуже обычного. Плотные сине-фиолетовые облака ограничивали видимость; пришлось посадить корабль у самого заведения, чтобы не идти далеко под кислотным дождем.

Здание клуба было украшено гирляндами из искусно переплетенной палладиевой проволоки. Нэрин очень удивилась: она случайно прилетела к началу чемпионата по «Грави-кубу», проводившегося в «На краю пропасти». Пробираясь сквозь толпу богато одетых существ, Нэрин, в сверкавшей разными цветами висмутовой накидке на плечах, искала взглядом Лью. Хозяин клуба, самодовольно прижав к спине перепончатые крылья, с интересом наблюдал за большим количеством посетителей. Заметив Нэрин, он вытянул шею в знак приветствия.

– Они порой бывают так забавны, – сказал Лью, не сводя глаз с посетителей. – Все спешат и спешат, тревожатся о чем-то! Вместо того, чтобы просто наслаждаться жизнью, – поймав заинтересованный взгляд Нэрин, Лью часто замахал крыльями, выражая свое веселое настроение. – Не смотри на меня так осуждающе. Мой жизненный цикл не вечен, в отличие от твоего...

– Лью, – вкрадчиво обратилась Первая, – мне все же интересно узнать...

– Что же?

– Меня в последнее время мало посвящают в подробности... – Нэрин опять вспомнила о Бене и неожиданном известии об убийцах Тари. – Хотя бы постарайся ответить честно: почему ты рассказал мне о тиааре с МХ-12? Я не верю в твоё бескорыстие...

– Все думают, что я негодай, – сказал Лью с притворной обидой, взмахнув одним крылом. – А я сам не знаю, ошибаются все или нет...

Внимательно посмотрев на Нэрин, выглядевшую рассерженной, Лью ответил уже серьезно:

– Скажем так... Среди контрабандистов был один «давний друг», задолжавший мне пару миллионов титаном. Самому разбираться не хотелось, а тут вот как все вышло: я и от чересчур хитрого барлока избавился, и тебя на тиаару навел. Ты мне помогла, хоть и была в неведении, этого я не отрицаю! Каждый выполнил свою миссию!

– Вот теперь я узнаю тебя, Лью! – улыбнулась Нэрин.

Еще немного пообщавшись с хозяином клуба, Нэрин направилась к одному из черных постаментов, за которым проводилась игра. Невысокого роста ваарнийка, с бордово-коричневой кожей, помахала Нэрин маленькой перепончатой рукой.

– Неужели! Сама Первая! Какая честь... – таинственно проговорило существо.

– Вновь ты здесь, Эиресс, – отозвалась Нэрин.

Если бы не одежда из вольфрама, ваарнийка расплавила бы половину заведения жаром своего тела, достигавшим температуры порядка тысячи шейтов⁴.

– Теперь здесь скучно, – пожаловалась Эиресс. – Уже совсем нет по-настоящему хороших авантюров.

– Спокойная жизнь – это не самое худшее, что может нас ожидать, – возразила Первая.

Встретившись взглядом с желтоглазой Эиресс, Нэрин подошла ближе к постаменту и громко объявила: «Ставлю десять тысяч, что соберу куб меньше, чем за тридцать эйнсов!»

Многие посетители обратили на Первую свое внимание. Несколько игроков поставили против Нэрин, скорее просто ради интереса, а не из-за сомнений в ее интеллекте. Нэрин подошла к постаменту и оценила ситуацию: ребра куба длиной по двадцать сантирийтсов, двадцать пять блоков из различных материалов, и всего тридцать эйнсов времени.

Как только Первая прикоснулась к темно-серой матовой проволоке каркаса куба и взглянула на блок из чистого кобальта, ей показалось, что она переоценила свои силы. Прозвучал щелчок, Нэрин быстро вращала небольшие шестерни, прикрепленные к проволоке, регулируя силу искусственного притяжения. Уверенность быстро вернулась к Первой – партия оказалась не такой сложной, и Нэрин удалось завершить игру меньше, чем за двадцать три эйнса. На лице Первой появилась самодовольная улыбка, когда она увидела восторженные взгляды посетителей заведения.

– Похоже, в моем клубе установлен новый рекорд, – сказал Лью.

Нэрин не успела насладиться небольшим триумфом – ей пришло голографическое сообщение от Бена. Маленькое, размером не больше сантирийтса, устройство, напоминавшее по форме тонкий диск, стало тускло светиться фиолетовым цветом. Черный блестящий голографический приемник был прикреплен на тонком ремне на запястье Нэрин, что позволяло носить его с собой при необходимости.

Первая отошла подальше от шумной толпы, будучи уверенной, что это сообщение от Бена не должны услышать посторонние. Голографические приемники не были снабжены системой безопасности – при желании сообщения мог прочесть любой, поэтому эти устройства редко оставляли без присмотра или сообщали с их помощью что-то чрезвычайно важное.

---

⁴ Шейт – единица измерения термодинамической температуры, равная двум градусам по Кельвину. В вымышленной вселенной измерения температуры начинаются с 0,3 Кельвина.

Все же эти приспособления обладали преимуществом – пучок сверхтионов с закодированной в их последовательности информацией было невозможно перехватить никакими способами.

Нэрин осторожно надавила на твердый металлический корпус, вся поверхность диска заискрилась светло-голубыми огоньками. Эти лампочки испускали лучи, которые быстро переплелись в воздухе и изобразили стоявшего в полный рост Бена. Позади него виднелись украшенные невысокими статуями просторы – скорее всего, Бен был неподалеку от Алат.

«Ты неизменна, как Центр Вселенной, Нэрин! – начал Бен с общепринятого приветствия. – Извини, что опять втягиваю себя в свои проблемы... Но надеюсь, ты не забыла о собрании Илиат раз в пять тысяч ктайтов? Очередное будет проходить всего через четыре трикса, и я бы хотел, чтобы ты пошла со мной, как делала всегда. Рассчитываю на твою поддержку и понимание, хоть я уже не вправе на такую снисходительность». Светло-голубая мерцавшая голограмма смогла в точности передать смущенную улыбку Бена.

Нэрин не подозревала, как умудрилась забыть о таком важном событии, поэтому быстро провела пальцем по ребру устройства и сказала: «Можешь всегда рассчитывать на мою помощь».

Так быстро, что жившая уже триллионы ктайтов Нэрин даже не успела заметить, прошло четыре трикса, и нужно было собираться на мероприятие Илиат. Вскоре Нэрин посадила корабль в небольшом понижении рельефа на южном полюсе Алат. Ее внимание издали привлекло грандиозное сооружение – специально для проведения этой встречи построили подобие шатра, переливавшееся желто-золотыми бликами в ярких лучах четырех Центральных звезд. Этот шатер был щедро украшен узорами из дорогих материалов, и создавалось впечатление, будто все ценности Центра были собраны сейчас на Алат. Неподалеку от одного из сотен входов, напоминавшего тонкую металлическую дверь, Нэрин увидела Бена. Он, как и сама Нэрин, был облачен в дорогую вольфрамовую одежду.

Поприветствовав друг друга, они стали любоваться красотой шатра.

– Я все не могу привыкнуть к этому великолепию, – пожаловалась Нэрин.

– Мне кажется, или с каждым разом убранство становится все роскошнее? – усмехнулся Бен.

– Я знаю, что ты не мог не прийти, – прошептала Нэрин, ставшая вдруг очень серьезной, – но не слишком ли рискованно появиться здесь? Вдруг кто-нибудь узнает о наемниках? Твои враги только и ждут любого повода. Им будет достаточно и малейшего подозрения, не то что плохо оспоримых фактов...

– В любом случае, я здесь, – сказал Бен.

Бен вместе с Нэрин неспешно подошли к металлической двери, наблюдая, как плавно открылись две ее створки. Внутри шатра было еще красивее: повсюду статуи из редких металлов и минералов. Нэрин, невольно оценивая стоимость предметов вокруг, удивлялась, зачем так украшать ради одного трикса приема это сооружение. Здесь можно было увидеть почти всех пантэйров Центра – только парламентар Глауз никогда не посещал данное мероприятие.

Бен и Нэрин старались быть незаметными. Их всегда возмущал обычай устраивать подобные собрания, являвшиеся, по сути, только лишним поводом продемонстрировать свое богатство и могущество. Многих приглашенных на этот прием удивляло присутствие Нэрин – все знали о ее старой дружбе с Беном, но официально она была грабительницей в розыске. Всегда все, связанное с Первыми, не поддавалось логике. Почитание, благодарность, а иногда и страх заставляли все виды не замечать изъяны в некоторых Первых. Или, если сказать вернее, обвинения в изъянах.

Нэрин оглядывалась по сторонам, ее терзали нехорошие предчувствия. Прибывших на Алат политиков никто не досматривал, поэтому Первая не побоялась принести с собой свой верный родсп, тщательно замаскированный в складках платья. Бен то и дело приветствовал знакомых пантэйров Центра, с некоторыми даже кратко обсуждал важные для Илиат новости.

Вдруг за большой статуей Нэрин увидела, как мелькнуло довольно знакомое светло-фиолетовое лицо. Первая насторожилась, но это существо пропало из виду, будто его и не было. Несмотря на перенапряжение от происшествия с наемниками, Нэрин была настороже – помешаться что-либо ей не могло.

Последующие несколько тысяч эйнсов все было спокойно, несколько пантэйров успели выступить с речью. Наблюдение за мельканием политиков в дорогих одеждах быстро наскучило Нэрин. Она замерла, глядя вдаль, как резкий хриплый голос прозвучал недалеко от Первых так громко, что многие находившиеся рядом обернулись.

– Как Разум смеет здесь находиться?!

Этот голос был хорошо знаком Нэрин. Его обладатель – высокое надменное существо с фиолетовой кожей и короткими светлыми, почти прозрачными волосами – не кто иной, как сам Минкспикс, пантэйр Центральной галактики Глауз. Он носил прозвище Доблестный, хоть никогда не обладал подобным качеством. Столь высокой должности он добился лишь ухищрениями и наглостью. Минкспикс обращался к Нэрин уважительно, используя общепринятое выражение «Разум», но понять, что он замышлял, было сложно даже одной из Первых.

– Не думал, что Разум осмелится появиться здесь! И куда только смотрят все пантэйры!

– Не стоит создавать провокационные ситуации, – сказал Бен. Он не решился более грубо ответить самому влиятельному существу во Вселенной, но и выслушивать оскорбления в адрес подруги не был намерен терпеть.

– Вот именно! – прищурившись, ответил Минкспикс. – А именно Бен эти ситуации и создает, приводя на столь важное мероприятие существо, нарушившее десятки статей Кодекса.

– Всего не десятки! Всего восемь, если я не ошибаюсь, – с издевкой прокомментировала Нэрин. – А Разуму лучше не учить гораздо более опытных разбираться в политике, – на лице Первой появилась ухмылка.

– Разум рискует, – сказал Минкспикс. Было не понятно, к кому именно он обращался: к Нэрин или Бену.

Нэрин привыкла не рассчитывать на щедрые приемы, но перспектива конфликта с пантэйром Глауз не вызывала воодушевления. Доблестный быстро скрылся, а встревоженная Нэрин повела Бена за руку поближе к выходу из шатра, туда, где было мало существ.

– Нам не повезло, Бен, – прошептала Первая. – Еще не хватало, чтобы Минкспикс начал за нами следить!

– Это моя вина, – отозвался Бен, – мне не нужно было брать тебя с собой.

– Ты не виноват. Ведь на прошлых собраниях Илиат его не было! Но почему он «осчастливил» всех своим присутствием?

– Об этом может знать только он сам, – тихо сказал Первый, – но сейчас основная забота – незаметно вывести тебя отсюда. Я не хочу, чтобы у тебя из-за меня появились проблемы.

– У кого еще они могут появиться! – возмутилась Нэрин. – Это как раз компания в моем лице с легкостью способна подорвать твой авторитет.

– Тише... Наш разговор привлечет ненужное внимание.

– Вот как? Эх, сомневаюсь, – Нэрин кивнула в сторону толпившихся богато одетых существ. – Готова поспорить на миллион, что все твои союзники уже скрылись, а *эти* решают, как сдать меня рутенам, не вызывая при этом сопротивления.

Нэрин буквально физически ощущала, что оказалась в западне. Все сенсоры кожи указывали, что отряд роботов, прозванных рутенами, скорее всего, уже зашел в шатер – концентрация рутения вокруг возросла в разы. Именно этот металл и дал название механизированным конструкциям, которые служили для поддержания правопорядка и ликвидации опасных ситуаций.

– Будь начеку, – предупредила Нэрин, ища оружие в складках одежды.

Не прошло и несколько эйнсов, как, сопровождаемые криками испуганных пантэйров, неподалеку появились несколько сотен рутенов.

– Вряд ли Минкспикс запрограммировал их на мирное задержание неугодных, – крикнул Бен, схватив Нэрин за плечо и с силой бросив на пол.

Тут же послышались первые выстрелы, еще более громкие крики приглашенных политиков и треск поврежденных статуй.

Снаряд из родия мог насквозь пронзить даже самый прочный материал, поэтому приходилось быстро перемещаться, чтобы повысить шанс на спасение. Толпа существ ринулись из шатра, сбивая некоторых рутенов на пути, что дало Первым небольшое преимущество.

– Их около четырех сотен, – заметил Бен, – я беру на себя тех, что слева, а дальше – как получится!

Бен с легкостью отломал часть одной из статуй, будто та была сделана из гипса, а не из платины. С силой он бросил этот обломок в нескольких рутенов – рутений был легче платины почти в два раза, поэтому корпуса роботов со скрипом изогнулись, системы управления ими были серьезно повреждены. Нэрин ловко выбралась из укрытия и стала стрелять без остановки в металлических охранников выполнения статей Кодекса. Скорость реакции Первых превосходила аналогичный отклик системы прицеливания рутенов. В сложившейся ситуации, несмотря на значительный перевес в количестве, рутены не могли смертельно угрожать Бену и Нэрин. Но все же риск травмироваться был очень высок.

Один из рутенов, опрокинутый очередным обломком статуи, брошенным Беном, попал в большой светильник, находившийся под самым куполом шатра. Из поврежденного механизма посыпались искры, которые вмиг подожгли немногочисленные украшения из парафина. Огонь быстро разгорелся и через несколько эйнсов полыхал уже почти во всем шатре. Густой дым ухудшал видимость. Скорее всего, система контроля постоянства температуры была повреждена в перестрелке. Чтобы разгерметизировать помещение, впустив атмосферный кислород, и тем самым погасить пожар, требовалось время и большое количество родиевых пластин.

– Нужно уничтожить их здесь! – кричала Нэрин. – Иначе они могут погнаться за нами, и в итоге повредить наши корабли. Хотя, на открытой местности мы не успеем убежать!

Рядом с Беном с жутким грохотом упал еще один светильник. Выстрелы стали реже – значительная часть рутенов уже была деактивирована. Но теперь приходилось не только убегать от выстрелов, но и бороться с бушевавшим пламенем.

Роботов осталось меньше сотни, как сразу с десятков родиевых пластин пролетели в опасной близости от Нэрин. В суматохе Первая даже не сразу успела понять, что ее ранили – просто упала без сил. Боль пришла следом, Нэрин получила несколько тяжелых травм. Один заряд насквозь прошел через левое плечо, другой – по касательной задел щеку, еще два попали в живот. Эти раны оказались довольно серьезными, Нэрин пыталась не потерять самоконтроль, что давалось с большим трудом.

Дальше Бену пришлось справляться самому, стреляя из родспа Нэрин. Пламя уже почти поглотило внутреннее убранство шатра, но когда последний рутен был повержен, Бен, осторожно взяв подругу на руки, побежал к двери. Кожа Первого болела от высокой температуры, но видимых повреждений еще не было. Бен стал стрелять по двери, не жалея снарядов, пока часть искривленного металла не выпала под действием собственного веса.

Опасаясь, что могли прибыть еще рутены, Бен поспешил к кораблю Нэрин – он был намного надежнее, чем летательное средство Первого. Двери на большинстве кораблей Первых открывались специальным замком, который срабатывал лишь при правильном указании химического состава газа в точности до тысячной доли процента, содержавшегося в этот момент на борту корабля.

Первым определить это не составляло труда благодаря развитым органам чувств, другие же виды попросту не могли справиться с подобной задачей. А если учитывать, что Первые никогда не стали бы без разрешения проникать на летательные аппараты своих сородичей, то такая система безопасности была очень надежной.

Замок был очень прост, чтобы при его умышленном нарушении посторонними двери не оказались заблокированы для хозяина корабля. Бен быстро нажал на несколько кнопок, являвшихся продолжением корпуса, и описал основные химические соединения: Первый хорошо чувствовал, что на летательном аппарате Нэрин много водяного пара и азота. Затем, уже с помощью других кнопок, он указал объемных состав этих компонентов: шестьдесят пять целых и пятьсот пятьдесят четыре тысячных процента пара, остальное – азот. Когда овальная дверь открылась, Бен искренне улыбнулся. Они с Нэрин были в безопасности, хотя бы на непродолжительное время.

8

– Держись, Нэн! – обратился Бен к находившейся в полубморочном состоянии Первой. Покинув буферный отсек, Бен аккуратно положил Нэрин прямо на пол посреди гостиной и активировал двигатель корабля. Раны Первой не были смертельно опасными, но их требовалось поскорее залечить.

Почти два триллиона ктайтов назад уже было изобретено универсальное лечашее устройство «Шерл», название которого издали напоминало имя его создателя, одного из Первых. Было достаточно любой молекулы в качестве образца, чтобы прибор многократно синтезировал на тонкой эластичной ленте нужную матрицу. При необходимости травмированный участок просто заклеивали этой лентой. Синтезированные искусственные элементы организма мгновенно приживались, так как были созданы специально для конкретной особи любого вида. Но у этого устройства имелся единственный недостаток – он подходил всем, кроме Первых. Сейчас Бену этот недостаток был особенно заметен.

Первые обладали хорошей регенерацией, темпы которой можно было ускорить, поэтому лечение любой травмы предполагало подачу в больших количествах основного структурного элемента организма Первых в форме простого вещества. Их тела состояли из стабильного изотопа Ксенона-128, который только благодаря физико-химическим особенностям регуляции жизнедеятельности Первых был способен образовывать длинные цепи из атомов.

Такой структурированный ксенон находился в твердом состоянии в большом диапазоне температур, при этом сохранял значительную инертность, позволявшую быть невосприимчивым к большинству химических веществ. Ксеноновые цепи являлись однородными, настолько, что было невозможно выявить наличие внутреннего или внешнего скелета.

Поддерживать такую структуру ксенона и обеспечивать организм энергией помогали химические реакции разложения перекиси водорода на воду и кислород. Это был малонадежный источник энергии, но Первым ее требовалось очень мало – они могли жить несколько тысяч ктайтов, не подпитываясь химическими веществами из окружающей среды.

Направив корабль подальше от Центра Вселенной, Бен принялся искать один из нескольких баллонов с ксеноном. Хемосенсоры позволили быстро обнаружить небольшой блестящий сосуд, оснащенный несколькими шлангами. Бен подбежал к подруге, быстро открыл клапан баллона и прижал его к ране на плече Первой. Он не видел, но чувствовал, как бесцветный газ, с тихим шипением вырывающийся из металлической колбы, медленно струился к белоснежному полу гостиной. Рана, обдуваемая потоками ксенона, стала заметно меньше. Даже такого, невероятно большого для молекул газа расстояния, было достаточно, чтобы структурные единицы тела Нэрин захватили его своим притяжением.

Наблюдая, как рана постепенно становилась меньше, Бен думал о дальнейшем плане действий. Первому нужно было попасть в Центр и, желательно, на своем корабле. Это казалось проблематичным, особенно в те эйнсы, когда Нэрин нуждалась в лечении.

Приложив еще один открытый баллон к щеке пострадавшей, Бен направился к системе управления кораблем. Первый решил высадиться в соседней галактике, там арендовать летательное средство и отправиться к одному из политиков Илиат, чьим мнением нельзя было пренебрегать в любой ситуации.

Едва корабль коснулся твердой зеленовато-синей поверхности одной из планет галактики Сэтх, Бен поспешил к небольшому светло-зеленому полупрозрачному куполу. Первый оглянулся, с облегчением заметив, что летательный аппарат Нэрин автоматически закрыл дверь и направился на маленький спутник Юпитера, газовой планеты далеко от Центра – туда, куда Бен запрограммировал лететь.

Полусферическое здание надежно защищало от ионизирующего излучения короткоживущей звезды. Здесь, далеко от Центра, ничто не могло похвастаться величиной и неуязвимостью. Даже светила угасали...

Небольшая дверь в форме ромба открылась, когда Бен коснулся сиявшего оранжево-красным светом металлического рычага. Под этим куполом находился салон, где можно было арендовать летательное средство на определенное время. Выбрав не самый примечательный корабль, Бен решил не рисковать и не использовать голографический счет, а просто бросил крошечный титановый слиток в полупустую статую сложной формы. Все вокруг засветилось бледно-желтым цветом, медленно открылся круглый люк на крыше, одновременно с прямоугольной дверью на маленьком черном корабле обтекаемой формы. Вскоре Бен уже летел на теневой скорости в Центр.

Мало кто решался летать в Солнечную систему, поэтому Нэрин находилась в относительной безопасности. Шанс встретить рутенов был минимален, но Первая этого не осознавала. Все чувства были притуплены, боль в плече все еще терзала, поэтому Первая, потратив остатки сил на то, чтобы привстать и оглянуться по сторонам, потеряла сознание.

Мощные двери – почти рийтс чистого титана – надежно защищали кабинет бывшего пантэйра. Бен на эйнс замер перед ними, словно опасался, что через серебристо-белый металл придется пробираться силой. Но этого не потребовалось. Даже сквозь такую мощную конструкцию Бен услышал тихое приглашение зайти. Хоть Первый и прибыл на личную орбитальную станцию, служившую домом его хорошему знакомому, все же заходить в этот кабинет без предупреждения было бы слишком дерзко. Бен коснулся рукой сложного узора, и двери открылись сами.

В кабинете было полутемно, но в ультрафиолетовом спектре очертания большого овального постамента, сложного устройства из соединенных вместе кубов и украшения из тонкой проволоки были словно окутаны серовато-белой дымкой. На одном из кубов из кальцита сидело высокое худое существо. Его тело было почти прозрачным, но в ультрафиолетовых лучах мерцало темным сине-фиолетовым цветом. Маленькие закрытые слоем кожи глаза имели форму полос, продольно пересекавших большую, почти идеально круглую голову. Очень тонкие многочисленные конечности касались ребер кубов из красивого минерала. Светящиеся пятна на теле существа с повышенным содержанием соединений стронция медленно меняли оттенок.

– Разум неизменен, как Центр Вселенной! – сказал Бен.

– О, мой хороший друг, я рад видеть Разум, – тихим скрипящим голосом ответило существо.

Это был Дуэйн VIII – один из самых уважаемых политиков Илиат. Несколько миллионов ктайтов назад он был пантэйром галактики Глауз. Раньше Дуэйн обладал властью даже большей, чем ныне Минкспикс, однако никогда ею не злоупотреблял. Хитрецы вроде Доблестного

стали появляться относительно недавно. Дуэйн же за время своей бытности пантэйром старался представлять интересы всех до одного жителей Центра. Он никогда не боялся вступать в конфликты с богачами, поэтому многие власть имущие старались убрать его с должности.

– Теперь Разум тоже Наблюдатель галактик, как и я, – сказал Дуэйн. Его узкие глаза быстро заросли еще одним слоем кожи – политик был возмущен.

– Увы, – отозвался Бен, – наши заслуги можно легко умалить.

– Но ведь Разум хотел поговорить вовсе не об этом? – спросил бывший пантэйр Глауз.

– Именно, мой друг, – тихо ответил Бен. – Меня интересуют некоторые факты о Минкспиксе...

– К сожалению, я не могу знать большего, чем Бен, – заметил он, – тем более, не всегда уместно обсуждать Доблестного без его ведома, – сказав это, Дуэйн склонил голову набок, что у представителей его вида было выражением ярости.

– Тогда друг извинит за мой визит, – сказал Первый.

Бен замер, его глаза цвета бронзы внимательно изучали украшение из искусно переплетенной проволоки на полу.

– С какой целью Разум интересуется? – теперь пятнистая кожа вспыхнула ярче – явный признак тревоги и сопереживания.

– Сегодня была проведена встреча Илиат, – сообщил Бен, – на Алат.

– Странно, что я не был в списке приглашенных, – заметил Дуэйн, но потом извинился, попросив Бена продолжить рассказ.

– Со мной пришла Нэрин, как и всегда... Но потом, как ни странно, появился Доблестный и увидел ее. Словесная перепалка переросла в перестрелку – он направил четыре сотни рутенов, призванных охранять правопорядок. Нам нелегко удалось уйти...

– Бен окончательно потерял остатки разума, – возмутился Дуэйн, от негодования его голова наклонилась очень сильно, а люминесцирующие пятна резко потухли. – Все знают о давней дружбе Разума с Нэрин, но все же не стоит забывать, что официально она находится в розыске! Доблестный не посмеет в открытую причинить вред Бену, по крайней мере сейчас. Но уничтожить Нэрин ему будет намного проще, ссылаясь на нарушенные ею статьи Кодекса!

– Не стоит меня обвинять, я не хотел подвергать подругу опасности, – возразил Бен. – Она – единственное существо, кому я могу довериться как себе. Не в обиду сказано, друг, но я не позволю Доблестному...

– Где она сейчас?! – прервал его Дуэйн. – Где Нэрин, одна из Первых?

– На своем корабле, далеко от Центра, – ответил Бен.

– Почему Разум оставил ее одну?

– Там, далеко, ее подстерегает меньше опасностей, чем в Центре. Тем более, я спешил к Разуму, чтобы узнать о намерениях Доблестного. Если не остановить Минкспикса сейчас, его упивание властью перейдет все допустимые границы.

– Я правда не могу помочь. Сожалею, – теперь глаза Дуэйна стали намного шире.

– Дуэйн простит за беспокойство... И спасибо, – едва слышно сказал Бен.

– У Разума не будет невзгод, как у Алат нет орбиты, – общепринятое прощание завершило недолгий разговор.

К Первой медленно возвращались чувства. Нэрин удивилась, что рутены смогли ранить ее так сильно и она была уже не в силах контролировать свой разум – Первые теряли сознание только при очень тяжелых травмах. Она приоткрыла глаза и резко вскочила на ноги, но не удержала равновесие и вновь упала на пол. Боль вернулась с новой силой, но коснувшись плеча, Нэрин заметила, что рана уже полностью исчезла – на светло-серой коже не осталось ни малейшего следа травмы. Мысленно поблагодарив Бена, Первая собралась с силами и встала, с трудом балансируя.

Нэрин сразу направилась к системе управления кораблем: не терпелось узнать, в какой галактике она оказалась. Но как только голографическая карта показала небольшую галактику, Первая с презрением прошептала: «Млечный путь!» Так далеко никто из Разумных не прилетал по собственной воле, поэтому шанс встретить рутенов здесь был почти равен нулю. Видов, не входивших в Илиат, все Разумные держались стороной. Поэтому единственным желанием было поскорее улететь подальше, даже не обращая внимания на опасность. Указав координаты противоположной от Центра галактики, Нэрин села в кресло, свернувшись в комок.

От пережитых повреждений Первой вспомнились очень давние события. Ее жизнь, как жизнь всех Первых, была уникальна. Сейчас Нэрин очень красочно вспомнилось собственное зарождение, если его можно назвать таковым. Ощущение, будто она была без сознания, а затем очнулась, чувствуя огромную силу, но не зная, кто она. Где она. Что происходит. Первая четко осознавала уже за долю эйнса, что ее раньше не было, но вдруг она стала чем-то материальным. Она оглянулась по сторонам: вокруг сияло множество звезд, но четыре ближайšie были ярче всех. Явно чувствуя состояние невесомости, Нэрин не только видела большую красно-коричневую планету вдалеке, но и ощущала ее химический состав, как и состав ближайших звезд.

Альд, Айр, Анси и Акка – четыре светила, образующие Центр. Ровно посередине между ними находилась Алат, благодаря такому расположению она не имела орбиты: четыре Центральные звезды удерживали ее притяжением, но при этом не разрушали. Такое встречалось только в самом Центре, и там, недалеко от Алат, и оказалась Нэрин тогда.

Она помнила ту силу, которая стала действовать на ее тело, когда Алат начала медленно притягивать к своей поверхности. Основным чувством был страх, но особый, не лишавший надежды. Первая понимала, что она живая, хоть и не знала, что такое жизнь. Она всего лишь смотрела на пространство вокруг и осознавала, что отличалась от всего, что представало ее взору. Алат притягивала Нэрин все быстрее и быстрее, пока Первая с силой не упала на раскаленную поверхность планеты. Небольшие травмы мгновенно исчезали, а Нэрин оглядывалась по сторонам, восхищаясь красотой красно-коричневого грунта, испещренного кратерами.

Первая не знала, был ли кто-то еще, похожий на нее? Был ли еще кто-то Живой? При этом она сама не могла понять, кем именно являлась. Мысли оформлялись сами собой в слова на прекрасном языке. Это внушало еще больший страх: нельзя же появиться среди звезд и уметь думать!

Нэрин помнила эти события, все пережитые в те эйнсы чувства и эмоции, будто это случилось недавно. А это было два целых шесть десятых триллиона ктайтов назад. В первые доли трикса своей Жизни на Алат Первая обнаружила небольшой вулкан, извергавший расплавленный кварц. Этого вещества не везде было в достатке – за долгое блуждание по пустынной планете Нэрин не сразу почувствовала нахождение этого соединения.

Пластичная, но быстро затвердевающая светло-серая масса привлекала внимание, и Первая, не опасаясь ожогов, коснулась расплавленного минерала. Как только кристаллы застыли, Нэрин сделала из них подобие одежды – ей нравилось, как цвет кварца почти сливался с цветом кожи.

У этого вулкана, как и в невесомости, Нэрин поняла, что очень сильно отличалась от остального, что ей довелось увидеть и почувствовать. Прошло несколько десятков, как она впоследствии поняла, триксов, как Нэрин увидела вдали что-то необычное, быстро передвигавшееся. Ни эйнс не сомневаясь, она направилась к заинтересовавшему ее объекту.

– Кто ты? – неизвестно откуда появившийся звук слегка насторожил Первую.

– Я? Нэрин! – ответила Первая, изумившись собственному умению говорить. Она до сих пор не могла понять, почему назвалась так, а не иначе. Но в те эйнсы, и всю жизнь она твердо знала, что ее должны звать Нэрин, и разум подсказывал, что ее имя будет известно всем.

– А меня зовут Бен, – сказала переливавшееся темно-желтым существо.

Нэрин была сильно удивлена, но все же спросила:

– Бен, а ты не знаешь, кто я и что я здесь делаю?

– Нет... Я и о себе ничего не знаю.

– А есть еще такие, как мы?

– Возможно. Мы должны найти еще кого-нибудь Живого.

– Кого-нибудь из Первых! – эта мысль вдруг внушила Нэрин, что она начала понимать, кто они и зачем существовали.

– Держаться порознь бессмысленно, – сказал Бен. Он осторожно коснулся ладони Нэрин кончиками пальцев, что, как оказалась впоследствии, было безусловным выражением доверия.

Они блуждали вдвоем несколько сотен триксов, и лишь потом нашли еще одну небольшую группу Первых. Они очень быстро получали и накапливали знания, а развитые сенсоры позволяли чувствовать течение времени даже без наличия приборов для его отсчета.

Они вскоре выяснили, что оказались на орбите Алат в одно и то же время, которое впоследствии назвали началом Жизни во Вселенной, точкой Отсчета времени. Всего за несколько ктайтов Первым удалось собраться вместе и построить развитую цивилизацию, которая стала основой для всех галактик. Их технологиям, языку и культуре было суждено стать примером для остальных видов.

Еще почти пятьсот миллиардов ктайтов Первые были единственными живыми существами во Вселенной. А потом начали появляться другие... Тысячи, миллионы различных форм жизни зарождались на глазах у Первых. Одни были сильнее, другие выдерживали более экстремальные условия, но ни один вид не имел особых преимуществ.

Хоть Первые и познали строение Вселенной, даже им не было доступно объяснение явления Жизни. Была лишь гипотеза, гласившая, что Жизнь – это быстротечная, настолько, что даже самые чувствительные сенсоры не могли заметить, «мутация» случайного атома. Но причины и условия зарождения Жизни так и остались тайной. Создать Жизнь искусственно было невозможно, но при этом все живое, кроме Первых, эволюционировало. Развитие шло очень быстро – либо за считанные триксы эволюционировали новые виды из микроскопических существ, появившихся из атомов, либо они так и оставались неразумными Протеями.

Поначалу, еще будучи одиночками, Первые тратили много сил, чтобы найти еще кого-то живого, параллельно изучая границы Вселенной. Изначально они знали наверняка, что пространство бесконечно. Неопровержимая истина, интуитивно известная Первым – это осознание, что могущественнее существ не найти.

Однако какой-то примитивный страх одиночества толкал их на опасные путешествия. Нэрин хорошо помнила это. Она тоже участвовала во всех этих исследованиях. С помощью самых надежных кораблей они отправились из Центра во все уголки Вселенной в надежде обнаружить хоть кого-нибудь. Они летели очень долго, почти миллиард ктайтов, однако встречали лишь пустынные незаселенные галактики.

Вся затея оказалась напрасной – мир слишком огромен, чтобы изучить хотя бы незначительную его часть. И тогда подтвердился неутешительный факт: именно Центр, благодаря особенностям распространения теневой энергии, и должен был стать местом зарождения Жизни во Вселенной.

Уже потом, спустя почти половину триллиона ктайтов, в Центре стали появляться другие Разумные. Первые же остались будто пробной формой Жизни: хоть и безупречные в сравнении с остальными, они являлись промежуточным звеном живого, потому что им было недоступно главное – изменчивость и размножение.

Организмы Первых могли выдержать экстремальные колебания параметров окружающей среды, но без адаптации их существование не имело цели. Они создали мир для других, но потом остальные существа стали их забывать.

Противоположная по свойствам материи, теневая энергия наполняла межпланетное пространство. Центр был ядром, вокруг которого концентрировалось основное количество высо-

коразвитых планет. Затем же все шло на убыль: чем дальше от Центра, тем примитивнее становились существа, заселявшие эти просторы. Причем, область распространения Разумных существ довольно мала – лететь на теневой скорости следовало не больше сотни ктайтов. Затем Вселенная была заполнена лишь безжизненными каменными глыбами и раскаленными звездами.

Первые быстро заметили странную закономерность: на планете либо жили разумные существа, хоть и Примитивные, вроде человеческой, подобия цивилизаций, либо вообще не было почти никаких форм жизни, кроме Протей, чьи размеры не превышали несколько сотен атомов.

В начале истории Первые не теряли надежды хотя бы косвенно обнаружить просторы, где материи уже не существовало. Чем дальше от Центра, тем больше теневой энергии, следовательно где-то должны быть области, где материя полностью вытеснялась. Долететь до этого «края» было невозможно не только ввиду огромных размеров Вселенной, но и из-за особенностей самой энергии. В пространстве, где отсутствовали даже субатомные частицы, было невозможно очутиться на грани перехода бесконечной Вселенной из материально-энергетической части только в энергетическую.

Это гипотетически существовавшее пространство было названо Сверкающим Пределом – предполагалось, что такое количество теневой энергии отражало все материальные частицы, даже электромагнитные волны, поэтому Предел должен был быть виден абсолютно всем существам.

Погруженная в воспоминания, Нэрин не заметила ни звукового, ни светового сигнала о новом голографическом сообщении. Лишь переведя взгляд на систему управления кораблем, она обратила внимание на фиолетовое свечение у подножия многочисленных барельефов. Это голографическое сообщение было от Бена: «Если ты решила улететь из Млечного Пути, сообщи мне, куда отправилась».

Нэрин указала в голограмме свое предполагаемое расположение через двадцатую долю трикса. Вскоре корабли Бена и Нэрин встретились на орбите большой оранжево-красной звезды Пэр.

Первый быстро покинул арендованное летательное средство, перейдя по короткому металлическому помосту.

– Ты думаешь, я за тебя не тревожусь? – скрывая обиду, спросила Нэрин, поджидавшая друга еще в буферном отсеке. – Ты улетел, даже ничего не сообщив...

– Прости, что тебя оставил, – сказал Бен. – Мне нужно было выведать что-либо у Дуэйна VIII насчет неожиданного появления Доблестного на собрании Илиат.

– И эта попытка была успешной?

– Увы, нет! – возмутился Первый. – Дуэйн сказал, что ничего не знает. Не доверять ему я не могу...

– Значит, Доблестный решил прилететь на Алат спонтанно? Это сомнительно, – заметила Нэрин.

– Мне нужно будет разобраться в этой ситуации, – сказа Бен, – но сейчас важнее твоя регенерация... Раны уже зажили?

– Да, – ответила Нэрин, а потом усмехнулась. – Это не самые тяжелые травмы, полученные мной за долгую жизнь.

Увлеченные разговором, Первые не сразу заметили, что все еще находились в буферном отсеке.

– Только будь осторожен, – предупредила Нэрин, когда они вдвоем оказались у большого окна. – С Доблестным шутки плохи.

– За меня не бойся, – улыбнулся Бен. – Лучше расскажи о своих планах?

– Неужели подозреваешь меня в подготовке к очередному ограблению?! – иронизировала Первая.

– Я рассчитывал услышать о расположении предполагаемого укрытия, – ответил Бен с серьезным видом.

– Возможно... – с мечтательной улыбкой начала Нэрин, – ...я полечу на Орфэ через пару триксов.

– Но она же не очень далеко от Центра, – предупредил Бен.

– Один трикс на Орфэ стоит тысячу ктайтов жизни, – возразила Первая.

– Я буду постоянно отправлять голографические сообщения, Нэн, – пообещал Первый.

– Пусть у тебя не будет невзгод, как у Алат нет орбиты... – прошептала Нэрин Бену вслед, коснувшись его руки на прощание.

9

– Ты неизменен, как Центр Вселенной, Лью! – из-за шума, создаваемого посетителями клуба, было трудно обратить внимание вирнера. Невдалеке несколько существ различных видов на спор пытались сломать как можно большее количество твердых минералов – треск разносился далеко за пределы «На краю пропасти». Лишь спустя несколько десятков эйнсов Лью обратился к Первой:

– Ты стала посещать мое заведение намного чаще в последнее время, – его желто-бурая шея изогнулась. – Можно считать это достойной оценкой моего клуба? – поинтересовался Лью.

– Тебя трудно переубедить... – ухмыльнулась Нэрин.

– И где же произойдет очередное ограбление? – спросил вирнер. В ожидании ответа его маленькие глаза замерли, а крылья прижались к рукам.

– Я хочу отдохнуть, – сказала Нэрин, изучая взглядом некоторых посетителей клуба. – Собираюсь полететь на Орфэ.

– Неплохая альтернатива авантюрам, – заметил Лью. – Пусть у тебя не будет невзгод, как у Алат – орбиты.

Нэрин неспешно покинула «На краю пропасти». Сильный ветер перемещал тяжелые черно-фиолетовые облака, дождь скоро должен был начаться.

Не думая абсолютно ни о чем, Первая ступила на борт своего корабля, затем указала траекторию полета до Орфэ на голографической карте. Даже голограмма не искажала удивительную красоту этой планеты.

Лететь предстояло недолго, но все же считалось, что Орфэ находилась относительно далеко от Центра как для места встречи существ из многих галактик. Уже очень долго Орфэ была лучшим курортом во всей Вселенной. Удивительные пейзажи, гостеприимные обитатели притягивали ценителей искусства и любителей приключений.

При посадке корабль резко снижал скорость с теневой до абсолютного нуля. Нэрин решила не останавливаться на орбите планеты, а любоваться красотами Орфэ вблизи. Когда летательный аппарат коснулся идеально гладкой поверхности из естественных составных веществ планеты, Нэрин побежала к выходу. Дверь едва успела приоткрыться, как влажная горячая смесь газов проникла в буферный отсек.

Нэрин оглянулась по сторонам: всюду яркие сине-зеленые цвета пейзажа удивительным образом сочетались со спокойным сероватым блеском огромного сооружения, находившегося неподалеку. Это был отель «Дэл'ч» – самый дорогой на Орфэ. Первая не была здесь почти тысячу ктайтов; «Дэл'ч» продолжал сиять своей красотой, удивительно сочетавшей простоту и роскошь.

Великолепное здание состояло из пяти соединенных корпусов: общая нижняя часть поддерживала конструкции наподобие столбов разной высоты. Мягкие, плавные углы подчеркивали неотрывность от естественной среды планеты. Стены состояли из гладкого, серого, плавно

переходящего в оттенки зеленого и голубого, минерала, разновидности кремнезема – агата. Кое-где большие фрагменты этого минерала соединяли жилы из титана, пронизывавшие стены насквозь и покрывавшие узором фасад. Более тонкий слой отполированного агата в некоторых участках сооружения служил окнами.

Нэрин прислушалась к ощущениям: твердый грунт состоял из солей натрия, магния, даже лития – соединений самых легких из металлов. Сияние ближайшего светила было ярким, но мягким – если присмотреться, можно было увидеть на фоне светло-синего неба голубую звезду Райнк. Атмосфера, богатая кислородом, оксидами углерода и азота, служила идеальной средой для жизнедеятельности фотосинтетиков.

Пока Нэрин любовалась светло-коричневым цветом грунта, к ней приблизился коренной житель Орфэ, похожий на антропоморфное растение. Он был относительно невысок, ростом в полтора рийтса. Его тело состояло из множества переплетений толстых твердых волокон, немногие из них находились снизу и буквально испарывали грунт под этим существом, осуществляя перемещение по поверхности. Покровы были зеленого цвета, на краях тонких выростов наподобие пластин, он переходил в светло-синий.

– Неизменен Центр Вселенной, – поприветствовал Нэрин орфэец. Его голос был тихим – существом было не очень легко производить подобные звуки.

Почти везде во Вселенной знали язык Первых, а в Центре только с его помощью и общались. Здесь, на Орфэ, Разумные изобрели свою манеру – в знак уважения они не называли собеседника, а указывали в его сторону одной из извилистых конечностей. Родной язык орфэйцев был довольно прост, но это не мешало им оставаться высокоразвитым видом.

– Орфэ совершенен! – с восхищением сказала Нэрин, обратившись к местному.

– Отель «Дэл'ч» интерес? – спросил житель Орфэ.

– Да, – ответила Первая. – Я давно мечтала вновь посетить его.

– Давно Первые нет Орфэ... – сообщило существо.

Нэрин кивнула в знак согласия, не сводя глаз с огромной двери, открывшейся, когда Первая и ее спутник еще были в нескольких десятках рийтсов от здания отеля. Нэрин казалось, будто она впервые посетила это место – так сильно ее впечатлила красота «Дэл'ч».

Стены и потолок холла переливались перламутровым блеском, пол же был усыпан мелкими кристаллами разновидностей корунда – сапфирами и рубинами. Несколько палладиевых статуй напоминали крохотные горные гряды, а недалеко от главного входа стоял небольшой постамент из висмута, пестривший в ярком естественном свете, лившемся из множества окон. На этом постаменте, обвив его несколькими тонкими конечностями, располагался еще один орфэец.

– Неизменен Центр Вселенной, – поприветствовал Нэрин администратор отеля, учтиво указав в ее сторону несколькими светло-зелеными подобиями лиан. Его голос звучал намного звонче. – Отсек лучший «Дэл'ч»?

– Да, – подтвердила Нэрин. – Мне нужен лучший отсек! Я давно не была на вашей планете, и хочу насладиться отдыхом. – Первая плавным движением руки указала на администратора.

– Сто четырнадцать уровень, пятый, главный корпус?

– Отлично! Мне это подходит, – улыбнулась Нэрин.

– Долго?

– Двадцать триков. Но, возможно, потом я продлю пребывание.

– Кви апартаменты! – сообщил администратор.

Вскоре в холле появился еще один житель Орфэ.

– Корабль клиенты отсек, – объяснило существо. – Номер – тысяча рийтсов, вид океан, горы.

Нэрин внимательно слушала работника отеля, пока они шли к одной из сотни маленьких дверей, за которыми находились мини-корабли, осуществлявшие перемещение на небольшой скорости между различными корпусами и отсеками отеля. По высланному мелкими сыпучими кристаллами полу орфэйцы могли очень быстро передвигаться.

Одна из серых дверей, ведущих в пятый корпус, открылась задолго до приближения к ней. Существа зашли в небольшое круглое помещение, которое покинули уже через несколько эйнсов. Первая и орфэец оказались в большом коридоре, такого же серо-зеленого цвета, как и холл. Здесь уже не было дверей – аккуратные округлые проемы между стенами соединяли различные участки отсека. Даже острое зрение Нэрин не позволило оценить масштабы разветвленных помещений – отсек был просто огромен.

Но как только взгляд Нэрин дошел до окна и того, что было за ним, мысли об убранстве отеля уже не беспокоили. Первая быстро подошла к идеально отполированной агатовой плите. Сквозь тонкий слой минерала было видно все вокруг на сотни километров. Корпус «Дэл'ч» был поразительно высок, чуть больше двух тысяч рийтсов, поэтому пейзажи Орфэ казались далекими, будто приходилось парить посреди этих бескрайних просторов.

Внизу, до самого горизонта, простирался океан. Кристально чистая вода оттеняла бело-снежные горные вершины, издали напоминавшие мелкие фигурки из платины. Океан отражал светло-голубое небо, а сияние Райнк действительно придавало заснеженным острым горным пикам сходства с белым металлом.

Нэрин не заметила, как почти вплотную прислонилась к окну, не мигая смотря большими черными глазами на легкую рябь на поверхности океана.

– Ваша планета неподражаема! – воскликнула Первая и только через долю эйнса заметила, что сопровождавший ее орфэец уже покинул отсек.

10

Нэрин не пожалела времени, чтобы исследовать каждый уголок своего огромного отсека в отеле. Большой центральный коридор разделял пространство на две равные части.

В правой половине находилось три помещения, соединенных между собой множеством проемов. Стены и пол имели темно-серый оттенок, контрастировавший с белизной снега – из больших окон в этой части отсека открывался вид на островершинную горную гряду, пересекавшую единственный материк на Орфэ.

Одна из комнат была полупустой – на искрящемся мелкими кристаллами полу находилась небольшая немного возвышавшаяся площадка. Она была украшена тысячами образцов минералов, разных цветов, размеров и форм – несомненно, одной из лучших во Вселенной коллекций. Из этой комнаты вел проход в другое большое помещение, где все стены и даже потолок были прозрачными и позволяли любоваться совершенством горных пейзажей Орфэ.

Следующее помещение можно было легко переоборудовать для представителя конкретного вида, но Нэрин пожелала всего лишь удобное кресло. Первые не нуждались в особых условиях, поэтому открытого окна было более чем достаточно для поддержания оптимального для жизнедеятельности состава газовой среды. Отсеки оснащались регуляторами гравитации и большим запасом различных веществ – все было предусмотрено до мелочей для каждого постояльца отеля.

Левая половина состояла всего из двух комнат и была расположена так, что почти все время освещалась сиянием светло-голубой Райнк. В каждом из помещений находилось несколько голубых представлявших по форме восьмигранник вычислительных устройств, в которые была встроена особая функция – возможность коммуникации с работниками отеля. В некоторых местах стены пронизывали титановые жилы, блестевшие в ярком свете ближайшей звезды.

Нэрин провела много времени в левой части отсека, любясь красотой океана. Казалось, вода всех оттенков синего и голубого плескалась у самых ног. Лишь спустя время Нэрин вспомнила, что ее одежда осталась на корабле, но возвращаться на борт не хотелось, поэтому Первая решила не блистать разнообразием нарядов. Она любила Орфэ за его первозданную красоту, наслаждалась которой исключительно в одиночку.

Мини-корабли в «Дэл'ч» быстро доставил до холла, затем оставалось покинуть отель и, пройдя по усыпанной корундом дорожке, добраться до берега океана. Один из нескольких проходов до пляжа было тяжело заметить среди бушевавшей повсюду растительности – на Орфэ жило множество фотосинтетиков, включая самых примитивных. Изогнутые невысокие синезеленые стебли напоминали проволоку, пронизывавшую твердую поверхность планеты. Жизнь была повсюду – каждый миллирийтс был населен.

Кроме нескольких отелей, на Орфэ не было строений – сооружения только бы испортили красоту этой планеты. Пляж, на который пришла Нэрин, считался самым большим во Вселенной – он простирался по всему побережью материка на Орфэ и отличался красивым названием «Арх'каз». В разных частях песок на пляже имел различные оттенки – от черного до розового и белого. «Дэл'ч» находился в великолепном месте – неподалеку от участка «Арх'каз», где встречались желто-золотой и белый его участки.

Нэрин медленно подошла к кромке воды, присела и принялась пальцем рисовать узоры на мелких светло-золотистых кристаллах. Первая не концентрировала внимание на хемосенсорах, не желая получать лишнюю информацию, а просто наслаждалась теплом и светом. Ей казалось, что она находилась в открытом космосе на орбите какой-нибудь звезды – так сильно лучи озаряли все вокруг, отражаясь от светлого грунта Орфэ.

Кристаллы, составлявшие пляж, быстро нагревались, но Нэрин даже большие колебания температуры не приносили неудобства. Первая любовалась океаном: вода считалась относительно недорогим веществом, а такие ее количества были богатством, даже не учитывая эстетическую сторону.

На светло-голубом небе не осталось ни одного облака. Горизонт на фоне океана был почти неразличим. Вокруг, не считая Неразумных существ, населявших Орфэ, не было видно никого.

Все жители Вселенной подразделялись на несколько уровней по развитию. Протеи, что не превышали всего несколько сотен атомов; Неразумные – виды, которые не обладали интеллектом или имели лишь его зачатки; Примитивные – слабо развитые цивилизации, которые все же были слишком глупы для вхождения в Илиат и не знали о существовании других разумных существ. Наиболее высоким интеллектом обладали Разумные, в которых иногда выделяли Высших – самые высокоразвитые виды, которые появились сразу после Первых. Примитивных и Неразумных было очень мало, поэтому Жизнь представляла собой, в основном, лишь две противоположности: уязвимых кучек атомов и наиболее могущественных существ.

В случае, если кто-то не знал имени собеседника, или хотя бы его принадлежности к конкретному виду, было принято называть существо Разумом.

Почти половину трикса Нэрин пролежала на пляже, прислушиваясь к движению воды в океане – из-за немалого притяжения планеты и отсутствия сильных движений газовых масс в атмосфере волнение на поверхности воды почти отсутствовало. Затем послышались чьи-то шаги – несколько существ вдалеке покинули отель, одно из них направилось к пляжу.

Нэрин прикрыла глаза и почувствовала, как медленно вращалась Орфэ вокруг своей оси и вокруг Райнк. Та, в свою очередь, была связана притяжением с соседней звездной системой Гелц. Для того, чтобы ощутить такие незначительные изменения положения в пространстве, нужно было сконцентрироваться, поэтому низкий голос, прозвучавший совсем рядом, заставил Нэрин безусловной реакцией открыть глаза. Первые были сильны и мало кто мог им навредить, но Нэрин, привыкшая к опасностям и неожиданностям, потянулась рукой к родспу.

– Разум неизменен, как Алат! Это честь видеть Нэрин! – услышала Первая, так и не успев коснуться оружия, и замерла, изучая взглядом неожиданного собеседника, знавшего ее имя.

Это был ксиф – один из представителей Разумных видов и житель туманности Н-22. Его коричневато-зеленая кожа контрастировала с цветом кристаллов на пляже, голова напоминала по форме куб, две пары узких глаз находились на тонкой шее, а на острое плечо был нанесен рисунок синего кристалла с множеством граней – символа правящей династии целого сверхскопления галактик в огромной туманности Н-22.

– Это честь для меня встретить Разум, обладающий властью в прекраснейших из галактик! – сказала Первая.

– Шиф-81, – представился ксиф. – Прошу прощения, я потревожил Нэрин. В оправдание могу лишь сказать, что никогда не встречал кого-либо из Первых.

– А Разум бывал раньше на Орфэ? – посмотрев на океан, спросила Нэрин.

– Это путешествие позволило мне вновь любоваться совершенством Райнк, – ответил ксиф, а потом, спустя несколько эйнсов, добавил. – Я знаю о Первых не так много, как хотелось бы. Позволь мне спросить?..

– Если эта информация тебе пригодится, – ответила Нэрин, немного смутившись. Ее удивило не только неожиданное знакомство, но и сама манера общения со столь уважаемым существом – они разговаривали будто хорошие друзья, пренебрегая общепринятым обращением «Разум».

– Вы живете дольше всех, но при этом дружны со всеми другими видами...

– Странно, что тебя это удивляет, – Нэрин прикрыла глаза и повернула голову навстречу очень слабому, едва заметному ветру. – Мы не одни такие. Виды, появившиеся после нас, тоже были намного совершеннее нынешних. Жаль, что некоторых из Последующих давно уже нет. Все Первые особенно их ценили, делились самым ценным, что у нас было – знаниями и творениями. Странно, что сейчас Жизнь обесценилась.

– А как вы жили... тогда? – ксиф медленно подошел к воде, отражавшей несколько появившихся белых облаков на небе. – Когда не было других Живых?

– Если ты считаешь на сантименты, то, увы, их не будет. Мы просто жили, изобретали что-то новое, интересовались миром вокруг, старались держаться вместе...

– Вам было одиноко? – вдруг Шиф прервал Нэрин. – Вас мало, а Алат и ее окрестности огромны. Вы боялись находиться в одиночку посреди незаселенных просторов?

– Вовсе нет, – удивилась Первая. – Просто мы нуждались в поддержке друг друга. Быть единственному посреди безжизненных пустынь немного неприятно, скажу я тебе. Но все же общества как такового у нас нет и не было, хоть мы очень ценим каждого из нас.

– Прошу меня простить за любопытство, – тихо сказал ксиф, – но позволь задать еще один вопрос.

– Как тебе будет угодно.

– Как вы называете представителей своего вида? Ведь все общепринятые обращения были установлены намного позже начала Отсчета времени?

– Это так, – Нэрин уже надоел этот бессмысленный разговор. – Мы просто называли и называем друг друга по имени или «своим Подобием». Иногда также упоминаем начало Отсчета времени, части Алат, куда упали с орбиты... Не думаю, что стоит все это перечислять.

– Разум прекрасен! – неожиданно воскликнул Шиф-81, снова обратившись к Первой. – Я пока дилетант, но все же создаю неплохие гравюры. Нэрин не будет против, если я сделаю ее портрет?

– Неожиданное предложение, – заметила Первая. Такое внимание со стороны Разумного стало раздражать. – Пусть Разум делает, что хочет, а я полежу под лучами Райнк.

Почти десятую часть трикса ксиф сидел неподалеку и небольшим алмазным приспособлением что-то усердно царапал на алюминиевой пластине. Все это время Нэрин боролась

с желанием уйти подальше от этого существа, но не хотелось создавать конфликтные ситуации – ей хватило и власть имущего недруга в лице Минкспикса.

– Гравюра готова, – гордо объявил ксиф, Нэрин же восприняла эту фразу как долгожданное избавление от его общества.

Шиф-81 подошел к Первой и продемонстрировал свое творение: на серебристо-сером металле довольно искусно была изображена лежащая на пляже Нэрин в малейших деталях – даже пряди волос, окружавшие голову наподобие ореола, были подробно выгравированы.

– Получилось очень хорошо, – Нэрин искренне похвалила ксифа, улыбнулась и коротко попрощалась с Шифом-81.

– Подожди, это мой подарок! – воскликнул ксиф. – Я хочу, чтобы это было небольшое воспоминание обо мне.

Нэрин нехотя согласилась, не желая оскорбить Шифа-81. В очередной раз улыбнувшись, она побрела на север, где пляж приобретал ярко-золотой оттенок. Ей казалось, что она могла тысячи ктайтов идти так, наблюдая, как медленно одни облака сменялись другими, легкая рябь придавала океану сходства с жидкой ртутью, а вдали зеленели изящные тела Неразумных фотосинтетиков.

Нэрин вернулась в отель, когда небо уже имело темный синевато-серый цвет. «Дэл'ч» располагался на одном из полюсов Орфэ, где ночь в определенный период была почти в два раза короче дня. Райнк начала скрываться за горизонтом, ее лучи постепенно меняли окраску неба – оно пестрило желто-зеленым, оранжевым и красным.

Прямо над холлом «Дэл'ч» находился большой отсек, где любили собираться постояльцы отеля. Там очень часто проводили турниры по «Грави-кубу», «Излучению» и другим играм. Мини-корабль очень быстро доставил Нэрин на второй уровень главного корпуса «Дэл'ч». Там также, как и в отсеке Нэрин, от самого помещения отделял большой овальный коридор. Мозаика из различных минералов украшала серо-зеленые стены, дверь среди этой мозаики была неплохо замаскирована. Но, едва Нэрин прошла половину коридора, дверь плавно открылась, приглашая зайти.

Огромный зал был полон существ, узор из кристаллов черного алмаза украшал весь пол и продолжался на стенах и потолке темно-фиолетового цвета. В дальнем углу находились несколько постаментов для игр, вдоль стен несколькими рядами стояли скульптуры из иридия, служившие по совместительству мебелью.

Среди множества Разумных Нэрин увидела знакомое существо и очень удивилась столь неожиданной встрече. Даже в сравнении с богато одетыми постояльцами отеля знакомая Нэрин – Эиресс – отличалась роскошными украшениями. Низкого роста, облаченная в платье из вольфрама, она блистала ярче звезды в тусклых темно-красных лучах светильников. Увидев Первую, ваарнийка медленно подошла и заговорила:

– Ты сияешь, как и всегда!

– Не знала, что ты планировала лететь на Орфэ – сказала Нэрин. – Нам не доводилось видеться миллионы ктайтов, а теперь я вновь встречаю тебя...

– На все воля случая, – искусственное освещение сильно искажало цвет глаз ваарнийки.

– Странно все это, – заметила Первая. В последнее время она старалась вести себя осторожно, а кому-либо из криминального мира, тем более жительнице Ваары, нельзя было доверять. – Я знаю о тебе очень много, даже все нарушенные тобой статьи Кодекса.

– А я ничего и не скрываю, – взмахнув рукой, сказала Эиресс.

– Но как ты можешь находиться здесь? – Первая изумилась. – Ты же в розыске?

– Впрочем, как и ты, – ответила Эиресс, поправив складки блестящей одежды.

– Я одна из Первых! – возмутилась Нэрин. – К тому же, в отличие от тебя, я не совершала «преступлений» как таковых.

– Вот как? – спросила Эиресс, не скрывая насмешки.

– Ограбление банка, основанного миллиардерами – не в счет.

Пытаясь не встречаться взглядом с ваарницей, Нэрин оглянулась по сторонам. Темно-красный цвет успокаивающе действовал на многих существ, а красотой интерьера можно было любоваться так же долго, как и океаническими пейзажами. Остаток ночи Нэрин мало общалась с кем-либо из постояльцев отеля, просто наслаждалась дарующим энергией пероксидом.

Последующие триксы не отличались разнообразием – Нэрин путешествовала по окрестностям отеля, восторгаясь совершенством этой планеты. Когда время пребывания в «Дэл'ч» уже подходило к концу, Первая решила посетить озеро Кти'р, которое находилось всего в нескольких эйнсах полета на маленькой скорости. Корабль Нэрин оставался в специально оборудованном отсеке в крайней части отеля. Летательное средство каждого постояльца находилось в отдельном небольшом круглом помещении, очень напоминавшем часть системы передвижения между уровнями и корпусами «Дэл'ч».

Вскоре Нэрин долетела до огромного высокогорного озера. Посадить корабль среди скал было не очень просто, но снег смягчил все удары корпуса о глыбы горных пород. Здесь уже не было фотосинтетиков, лишь одна вода и камни. Снег окрашивал все вокруг в белый, вода в озере покрылась коркой льда и напоминала большую идеально прозрачную стеклянную линзу.

Нэрин осторожно коснулась рукой поверхности озера: даже толстый слой льда мог не выдержать состоявшее из ксенона и относительно тяжелое тело Первой. Нэрин не рискнула идти далеко и села на лед у берега. Она совсем не чувствовала холода среди заснеженных гор, навредить ей могли лишь экстремальные колебания температуры. Светло-голубое небо и сиявший в ярких лучах снег представлял довольно редкое для многих планет явление, поэтому Нэрин внимательно рассматривала все вокруг, пытаясь запомнить красоту пейзажей до мельчайших подробностей.

Возвращаясь в отель, Нэрин думала о Бене – ей хотелось навестить друга, но для этого нужно было покинуть Орфэ на некоторое время. Посадив летательное средство на специальной площадке «Дэл'ч», Первая долго гладила корпус корабля, будто извинялась за недавнюю недолгую разлуку. В мокрой одежде, со слипшимися от холодной воды волосами, Первая резко обернулась, почувствовав чье-то присутствие с помощью хемосенсоров, но не спешила искать оружие. Никто из работников отеля не мог зайти в этот отсек, пока там находился личный корабль Нэрин. Но раз кому-то дали разрешение быть здесь, то явно неспроста.

Большое содержание меди Первая почувствовала издали, но удивление смешалось со страхом, когда она увидела, что стоявшее невдалеке существо было работником охраны правопорядка.

– Нэрин, одна из Первых?

Это был зоид – житель галактики Зеленого Пламени, где и находилась Орфэ. Крупная светло-фиолетовая чешуя плотно покрывала его кожу, особенно на щупальцах. Он был невысокого роста, а о принадлежности к системе выполнения статей Кодекса свидетельствовала только изящная изогнутая форма шлема – зоиды постоянно нуждались в большом количестве фосфина.

Все виды во Вселенной знали, что создать даже подобие Разума было невозможно, поэтому для функционирования в опасных ситуациях, в основном, в случае невыполнения Кодекса или ликвидации чрезвычайных ситуаций, применялись рутены, управляемые кем-то из Разумных.

Нэрин испугалась: в отличие от рутенов, живые существа могли быть абсолютно непредсказуемыми.

– Что Разуму нужно? – спросила Нэрин. Этот вопрос прозвучал жалко, и Первой стало стыдно от звука собственного голоса.

– Я просто хотел поговорить, – ответил зоид.

– Хоть я и одна из Первых, странно, что с нарушившей Кодекс собираются разговаривать, – сказала Нэрин с опаской. – Я не хочу ни страдать сама, ни причинять Разуму вред. Разум должен просто дать мне уйти.

– Знаю, все кажется однозначным, – начал зоид, не выглядевший опасным. – Странно, что Разум обнаружили на Орфэ, – сказал он, обращаясь к Первой. – Но я искал Нэрин не ради того, чтобы причинять ей вред. Все очень серьезно...

– Что Разум хочет сказать? – Нэрин потянулась рукой к родспу на поясе.

– Нэрин должна выслушать, это очень важно, – предупредил зоид. – Много жизней на кону. Это связано с Доблестным.

– Что именно? – прошептала Первая.

– Я не имею права быть здесь... Равно как и права разглашать не до конца проверенную информацию, но... рисковать нельзя. Доблестный обладает огромной властью, все знают об этом. Но лишь немногим известно, что он не собирается довольствоваться даже должностью пантэйра Глауз.

– Почему Разум говорит мне об этом? – поинтересовалась Нэрин, забыв о попытках достать оружие.

– Первая должна знать: Доблестный готовит рутенов, чтобы силой захватить власть в Амл – одной из малозаселенных галактик далеко от Центра.

– Что? Разум в это верит? – спросила Нэрин. – И в это должна поверить и я? Это же безумие! Зачем Доблестному это нужно?!

– Разум вправе мне не доверять, – сказал зоид, – но это правда. Я сообщил это Разуму, потому что она – одна из Первых. Лишь Первые обладают силой, что способна остановить даже пантэйра Глауз.

– Силой? Сейчас к нам прислушаются немногие.

– Это еще одна причина, почему я обратился к Нэрин, – хриплый голос зоида стал тише и ниже. – Пока в этом не признаются, но некоторые власть имущие собираются ослабить влияние Первых.

– Куда уж больше, – пожаловалась Нэрин.

– Это грозит опасностью целым галактикам! Я не мог лично сказать об этом Бену, чтобы не вызывать подозрения.

– Но почему из всех Первых Разум обратился именно ко мне? Из-за моей старой дружбы с Беном?

– Не только. Будем откровенны: Нэрин – вне Кодекса, поэтому, если что-то случится, ей меньше терять...

– Я понимаю Разум лишь отчасти, – возмутилась Первая.

– Нэрин следует знать, что я – доверенный Дуэйна. Сейчас Минксвикс действует незаметно, но вскоре он проявит себя.

– Если это правда, то...

– Первая должна быть осторожна, – сказал зоид и направился к двери. – Сейчас Нэрин в безопасности, ни один Разум не пойдет против Первых. Но так будет не всегда. В любом случае, жители Амл не должны стать орудием Доблестного.

– Пусть Райнк озаряет систему, – сказала встревоженная Нэрин на прощание.

Ей не верилось, что Доблестный был способен на нечто подобное. Находясь в растерянности, Первая позабыла даже о желании навестить Бена. Она решила проверить достоверность этой информации. И думать о том, что все сказанное могло оказаться правдой, было невыносимо.

Доблестный жил на небольшом планетоиде А-0754, БТ-системы в галактике Глауз. Нэрин не хотелось рисковать, тем более не имея веской причины, но оценка малозаметных фактов подсказывала, что зюид сказал правду. Пока не удастся получить неопровержимые доказательства, сообщать Бену об этой ситуации Первая не собиралась.

Она опасалась, что на планетоиде Минксписа могли находиться тысячи рутенов, обеспечивавшие «безопасность» пантэйра. Сомнений не было – в личных владениях Доблестного Кодекс не действовал.

Нэрин остановилась на орбите А-0754, даже издали было видно, как его темно-серую поверхность испещряли кратеры. На столь небольшом космическом объекте как планетоид чужой корабль могли легко обнаружить. Первая понимала, что лететь туда означало смириться со страшной гибелью. Изначально Нэрин планировала вывести что-либо, пробравшись в жилище Доблестного, но на практике это оказалось невыполнимой задачей. Оставалось действовать через посредников.

Первая поспешила на Ω-3, чтобы посетить «На краю пропасти». В клубе, как и всегда, находилось много существ, но мало кто из них мог быть хорошим информатором. Для начала, нужно было узнать о массовых продажах оружия.

В углу заведения, устроившись в небольшой выемке в стене, сидел мэйз по имени Нартл – торговец оружием. Его очень большие светло-желтые глаза изучали родсп, красовавшийся в трехпалой серо-коричневой руке.

– Ты неизменен, как Центр Вселенной! – поприветствовала существо Нэрин.

– Я уже подумал, что Первая обо мне позабыла, – сказал Нартл. Его огромная голова немного превышала размером туловище, но при отсутствии шеи это было сложно заметить. Три пары длинных, покрытых шипами конечностей росли со спины. Довольно крупный, почти в два раза выше Нэрин, мэйз немного напоминал аморфное вещество.

– Не мог бы ты мне помочь? – на лице Первой промелькнула полуулыбка. Нэрин продолжила говорить, не дождавшись ответа. – Ходят слухи, что сейчас рутенов можно легко купить... Трудно опровергнуть, что это чудесный способ скрыть свои истинные намерения.

– Рутенов просто так не продают, – не согласился Нартл. – Для этого нужна веская причина, причем согласовать покупку нужно со многими структурами Илиат.

– Но ведь всегда есть возможность обойти Кодекс, – прошептала Нэрин

– Неужто ты решила приобрести парочку рутенов? – удивился мэйз.

– Вовсе нет. Напротив, мне нужно узнать, покупал ли их кто-нибудь недавно в больших количествах.

– Не подумай, что я чересчур подозрительный, – Нартл взмахнул двумя правыми конечностями и с усилием кивнул, прикрыв глаза, – тем более, знаю тебя не один миллион ктайтов, но все же... С какой целью ты интересуешься покупкой рутенов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.